

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ МИРОВЫХ
ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

АХМЕТХАНОВА НУРИЯ ИДРИСОВНА

**ПРОБЛЕМА ВАРЬИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЕЙ**

Специальность: 5А 120102
Лингвистика (русский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание степени магистра филологии

**Работа рассмотрена и
допускается к защите.**

Зав. кафедрой русского языкознания

_____ к.п.н. доц. Е.А. Лагай

«__» _____ 2013 год

Научный руководитель

Кандидат филологических
наук, доцент Им С.Б.

Ташкент – 2013

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Теоретические аспекты изучения фразеологии.....	7
1.1 Понятие «фразеология»	7
1.2 Фразеологическая единица.....	9
1.3 Категориальные признаки фразеологизмов.....	10
1.4 Классификации фразеологизмов по степени семантической слитности.....	18
1.5 Лексико-семантические отношения в системе фразеологии.....	24
Выводы по 1-й главе.....	26
Глава 2. Проблема вариантности фразеологических единиц в языке писателя.....	27
2.1 «Узкое» и «широкое» понимание вариантности фразеологизмов.....	27
2.2 индивидуально-авторское варьирование фразеологизмов.....	28
2.3 функционально-параметрический подход в исследовании фразеологических единиц.....	35
Выводы по 2-й главе.....	48
Глава 3. Варьирование фразеологических единиц в творчестве Л.Н.Толстого.	50
3.1 семантическое варьирование фразеологических единиц.....	50
3.2 формально-семантическое варьирование фразеологических единиц.....	57
3.3 окказиональные изменения.....	58
3.4 Структурно-индивидуальные авторские преобразования фразеологических единиц.....	68

3.5 Количественные изменения компонентного состава фразеологических единиц.....	72
3.6 Особенности варьирования нетранслитерированных фразеологических единиц.....	75
Выводы по 3-й главе.....	81
Заключение.....	83
Список использованной литературы	86

Введение

О фразеологии написано множество статей, книг, различных работ, но интерес к этой области не иссякает ни у исследователей, ни у тех, кто просто не равнодушен к слову. Находит подтверждение высказывание известного датского лингвиста О. Есперсена, назвавшего фразеологию, «деспотически капризной и неуловимой вещью». Фразеологические единицы, представляют собою уникальный лингвистический феномен, обличающиеся яркой выразительностью, образностью и эмоциональностью. Они представляют собою систему художественных средств языка, характеризующиеся лаконичностью, точностью, кратостью, образностью. В них отразилось творчество многих поколений.

«Возрождение духовных ценностей мы рассматриваем как органический, естественный процесс роста национального самосознания, возвращение к духовным истокам народа, его корням»⁸

Современное развитие фразеологии как науки берет начало с работ академика В.В.Виноградова, заложившего основы в изучении свойств фразеологических единиц.

Актуальность исследования.

В многочисленных работах по фразеологии изучаются и раскрываются различные свойства фразеологизмов. Фразеология сегодня – это самостоятельный раздел языкознания, имеющий объектом исследования – фразеологическую единицу. Проблемы семантической структуры, грамматических свойств фразеологических единиц освещаются в трудах В.Л.Архангельского, А.М. Бабкина, В.П. Жукова, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и др.

Вопросы диахронического аспекта решаются в работах Б.А.Ларина, Р.Н.Попова, Н.А.Павловой.

⁸ Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса.- Ташкент:Узбекистон,1997-с.131

Наше исследование посвящено проблеме варьирования фразеологических единиц, которая в сегодняшней фразеологии решается неоднозначно и является дискуссионной, несмотря на ее широкое освещение в литературе. Вопросы варьирования, вариантности фразеологизмов нашли свое освещение в работах Е.И. Дибровой, В.П. Жукова, В.Т. Бондаренко, В.М. Мокиенко и др.

Проблема вариантности фразеологических единиц в магистерской диссертации рассматривается на материале произведений Л.Н.Толстого, так как употребление фразеологических единиц в творчестве писателя, особенности их использования практически не изучались.

Объектом исследования являются фразеологические единицы, употребленные в текстах Л.Н.Толстого.

Предмет исследования составляют варианты фразеологические единицы, употребленные в языке писателя.

Цель магистерской диссертации состоит в исследовании вариантных фразеологических единиц в языке Л.Н.Толстого.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Выявить категориальные свойства фразеологической единицы как особой языковой единицы.
2. Описать современные классификации фразеологизмов.
3. Определить коммуникативно-прагматические свойства фразеологизмов.
4. Описать классификации фразеологических оборотов по структуре и составу.
5. Дать характеристику семантических отношений в системе фразеологии.
6. Изучить проблему варьирования фразеологических единиц в современной фразеологии.

7. Изучить функционально-параметрический подход в изучении фразеологических единиц.
8. Описать семантическое варьирование фразеологизмов в произведениях Л.Н.Толстого.
9. Описать формально-семантическое варьирование фразеологизмов в языке Л.Н.Толстого.
10. Описать структурно-индивидуальные преобразования фразеологизмов.
11. Изучить количественные изменения компонентов фразеологических единиц.
12. Описать особенности варьирования нетранслитерованных фразеологических единиц.

Методы исследования

В работе использованы метод лингвистического описания, метод структурно-семантического анализа, метод контекстуального анализа.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

1. Описано функционирование фразеологических единиц в языке Л.Н.Толстого с точки зрения вариантности.
2. Варьирование фразеологических единиц изучается в рамках функционально-параметрического подхода.
3. Изучены различные типы варьирования фразеологизмов в языке Л.Н.Толстого.

Теоретическая значимость исследования определяется:

1. Определенным вкладом в разработку принципов исследования языковой проблемы вариантности фразеологических единиц.

2. Произведена классификация фразеологических единиц в плане варьирования.
3. Определены сходство и различие изучаемых фактов.

Апробация работы производилась путем обсуждения ее основных положений на различных конференциях, на заседаниях кафедры русского языкознания в виде текущего отчета в проделанной работе по магистерскому исследованию.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Варьирование фразеологических единиц – явление, характерное для языка Л.Н.Толстого.
2. Фразеологические единицы являются одним из важных средств текстообразования в произведениях Л.Н.Толстого.

Структура работы.

Магистерская диссертация состоит из введения, трех глав, выводов к главам, заключения, списка использованной литературы.

Опубликованность работы.

1. Ахметханова Н. Проблемы варьирования фразеологических единиц.// Ирония, комизм, юмор, сатира в современной филологической науке. Материалы молодежного научно-творческого проекта. 16 декабря 2011 года. – Т., 2012 – с.19-21
2. Ахметханова Н. Индивидуально-авторское варьирование фразеологизмов.// Инновации мировой филологии в молодежной науке XXI века: результаты и перспективы. Материалы молодежного научно-творческого проекта. 21 декабря 2012 года. – Т., 2013 – с.13-15

Объем работы составляет страницу компьютерного набора.

Глава 1 Теоретические аспекты изучения фразеологии

1.1 Понятие «фразеология»

Среди лингвистов нет единого мнения относительно объема понятия «фразеология». Такое положение существует в лингвистике, несмотря на то, что вопросами фразеологии ученые занимаются давно. В 60-80-е годы появилось немало книг, статей, в которых освещалась фразеологическая тематика. Интенсивная разработка фразеологического материала дала свои ощутимые результаты. Если на первых порах исследователи нередко ограничивались чисто интуитивными критериями, то в последних работах усилилось стремление придать этим критериям по возможности четкий и объективный характер. Оценивая наиболее значительные работы, можно выделить те принципиальные линии, по которым ведется исследование проблем фразеологии.

В первую очередь выделяются проблемные вопросы, связанные с уточнением фразеологизма как категориальной единицы языка, его свойств и признаков, его соотношения с другими единицами языковой системы: словом, словосочетанием, предложением.

Возникает важный круг проблем в связи с раскрытием таких понятий, как устойчивость и идиоматичность, форма и содержание, знаковые и информативные свойства фразеологизмов, их типология и др.

По всем этим проблемным вопросам нет единого мнения. Существуют разные взгляды относительно предмета фразеологии. В лингвистической науке давно бытует так называемое «широкое» и «узкое» понимание объема фразеологии.

«Узкое» понимание отчасти утвердилось в связи с лексикографической разработкой фразеологизма, которые включались и включаются в толковые словари наряду с лексическими единицами. Разумеется, в словари попадали, прежде всего, фразеологизмы, эквивалентные слову, но не попадали

устойчивые выражения, образованные по модели предложения.

«Широкому» пониманию объема фразеологии, в какой-то мере способствовали научные изыскания устойчивых сочетаний в историческом плане. В письменных памятниках древнерусского языка сравнительно редко встречаются устойчивые словосочетания, охваченных сквозной деактуализацией компонентов. Поэтому объектом исследования становились все воспроизводимые словосочетания или предложения, независимо от характера и степени семантической спаянности непосредственно составляющих.

Согласно «узкому» направлению фразеологизмом считается такая единица, которая состоит только из слов, то есть словосочетание(идиомы и фразеологические словосочетания). К ним относятся такие авторы, как В.Т.Жуков, А.И.Молотков. Такой объем фразеологии был намечен в трудах академика В.В.Виноградова.

Примером «широкого» понимания объема и состава фразеологии может служить точка зрения, представленная в работах В.Л.Архангельского, О.С.Ахмановой, Н.М.Шанского, которые включают в объем фразеологии, кроме идиом и фразеологических сочетаний, еще пословицы и поговорки, речевые штампы, различного рода клише, а также крылатые выражения. Все эти типы единиц объединяются по двум признакам: несколько-словность (следовательно, раздельнооформленность) и воспроизводимость.

В работе разделяются взгляды Н.М.Шанского, они разделяются многими учеными. Это точка зрения, как наиболее оправданная, отражена в энциклопедии «Русский язык», где дается следующее определение фразеологизма: «фразеологизм, фразеологическая единица, общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а производятся в ней в социально-закрепленном за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических

компонентов, устойчивость, воспроизводимость – взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологизма».⁹

Когда речь идет о фразеологическом фонде языка, то всегда обращается внимание на его традиционность, устойчивость, количественное и качественное постоянство состава фразеологических единиц в системе языка.

Однако в живом употреблении фразеологических единиц наблюдается известная диалектичность, что обуславливает развитие фразеологического запаса, его жизнь, историческую изменчивость.

Фразеологическая единица обладает смысловой целостностью, возникающей в результате ослабления лексического значения слов, которые являются компонентами фразеологизма.

Подобно слову, фразеологическая единица является семантической единицей языка. Она имеет свою структуру. Ее смысловая целостность достигается путем поглощения лексического значения слов, которые составляют фразеологизм.

1.2 Фразеологическая единица

Фразеология – это раздел науки о языке, изучающей фразеологическую систему языка в его современном состоянии и историческом развитии. Объектом изучения фразеологии являются фразеологические обороты, т.е. устойчивые сочетания слов аналогичные словам по своей воспроизводимости в качестве готовых и целостных единиц. Поэтому первоначально фразеологизмы изучались в разделе лексики. Тесная связь с лексикой позволила лучше познать строение фразеологических единиц, образование и употребление в речи. На протяжении всех лет развития как особой лингвистической дисциплины (середина и конец XX столетия) всегда актуальной остается проблема понимания и определения фразеологической единицы: «Нет ни одного

⁹Розенталь Д.Э., Теленкова М.А – Словарь – справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985 – с.378
Русский язык. Энциклопедия. – М.: Сов. энц., 1979 – с.381

принципиального вопроса, который не вызвал бы в сфере фразеологов острые дискуссии. До сих пор не установлены даже критерии определения фразеологических единиц, нет единства мнений о категориальных свойствах этих единиц». ¹⁰

Принцип определения фразеологизма по одному (основному) свойству в лингвистической литературе неоднократно оспаривался. Критические замечания высказывались против каждого отдельно взятого основного и дифференцирующего признака и самой возможности определения фразеологизма лишь по одному признаку.

Лингвистами выделен целый ряд свойств, отражающих специфику фразеологической единицы: смысловая целостность, устойчивость сочетания слов, переносное значение, экспрессивно - эмоциональная выразительность; фиксированность лексического состава, употребительность, особая семантическая структура;

лексическое значение, компонентный состав, особые грамматические категории;

устойчивость, воспроизводимость, семантическая целостность значения, расчлененность состава, незамкнутость структуры.

Перечисленный набор признаков наиболее полно характеризует семантические, структурные и функциональные признаки фразеологической единицы как особую языковую единицу.

1.3 Категориальные признаки фразеологизмов

Одним из категориальных свойств фразеологической единицы является воспроизводимость. Фразеологизмы не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы.

Воспроизводятся фразеологические единицы в тех значениях, в тех

¹⁰Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. - М.: Просвещение, 1975 - с.15

грамматических формах и в тех функциях, которые закреплены за ними языковой традицией. Однако необходимо отметить, что подобными свойствами воспроизводимости обладают также и следующие устойчивые словесные комплексы, как:

1) составные наименования – камера хранения, вечный двигатель;

2) литературные цитаты и афоризмы:

Быть или не быть (Шекспир),

Аппетит приходит во время еды (Рабле);

3) словосочетания с постоянными народно - поэтическими эпитетами, такими, как: серый волк, ясный сокол, чисто поле;

4) перифразы – белое золото (хлопок), корабль пустыни (верблюд), королева полей (кукуруза);

5) тавтологические выражения: вопрос вопросов, день деньской, работать так работать;

6) пословицы и поговорки:

Волков бояться – в лес не ходить;

Насильно мил не будешь.

Категориальным признаком фразеологической единицы является устойчивость.

К составляющим признака «устойчивость» относятся следующие:

1. Постоянный компонентный состав.

2. Непроницаемость структуры.

3. Фиксированный порядок следования компонентов.

Компонент – это составная часть фразеологизма, лишенная основных

признаков слова. Компонент – это деактуализованное слово. Слова деактуализируются, чаще всего, вследствие метафорического переосмысления свободных словосочетаний.

4. Неизменяемость грамматической формы.

Фразеологический оборот состоит всегда из одних и тех же компонентов, тесно связанных между собой как части целого, располагающихся друг за другом в строго установленном порядке. Постоянство состава и местоположения компонентов фразеологической единицы носит такой же характер, который свойственен морфемному составу слова. Любая модификация в составе фразеологической единицы, любое, самое небольшое, изменение порядка следования компонентов осознается говорящим как новообразование, лежащее за пределами языка точно также, как лексический неологизм.

В некоторых фразеологизмах, включающих глаголы, можно наблюдать различное расположение компонентов: **сгореть со стыда – со стыда сгореть, тянуть волынку – волынку тянуть**. Место положения слов, образующих фразеологические единицы, закреплено в двух одинаково возможных вариантных формах.

Фразеологическая единица имеет непроницаемую семантическую структуру. Основная масса фразеологизмов выступает в виде таких целостных языковых единиц, вставки в которые обычно невозможны, например:

От мала до велика;

Во цвете лет.

Существенным признаком фразеологической единицы, свидетельствующим о высокой степени ее устойчивости, является фиксированный (постоянный) порядок следования компонентов. Компоненты фразеологической единицы представляют «словоряд» с определенным числом членов, расположенных в определенной последовательности. Изменение порядка следования может

разрушить фразеологическую единицу или превратить ее в другое сочетание слов, ср.: например:

Вынь да положь – положь да вынь;

Кровь с молоком – молоко с кровью.

Здесь фиксированный порядок слов – компонентов определяется, диктуется языковой традицией, всей историей употребления данных фразеологических единиц. Но в некоторых типах фразеологических единиц порядок компонентов допускает вариации. К ним можно отнести глагольные фразеологические вариации, где глагольный компонент сохраняет парадигму грамматических форм (в петлю лезть – лезть в петлю), адъективно – субъективные фразеологические единицы, служащие для характеристики лица (коломенская верста – верста коломенская), а также фразеологические единицы модели предикативного сочетания с незамкнутой структурой (волосы встали дыбом – дыбом встали волосы – встали дыбом волосы – волосы дыбом встали).

В основе устойчивого порядка следования слов-компонентов фразеологических единиц и их допустимых «перестановок» лежит коммуникативная значимость того или иного компонента в реальной речевой ситуации. Пока сохраняется живая синтаксическая связь между словами-компонентами фразеологических единиц, сохраняется и возможность изменения порядка следования компонентов, в соответствии с коммуникативным намерением отправителя речи.

Важным фактором устойчивости фразеологической единицы является неизменяемость грамматической формы, составляющих ее слов-компонентов.

Своеобразие фразеологической формы проявляется в ограничении парадигматических и синтагматических возможностей фразеологической единицы по сравнению со свободным сочетанием слов. Форме фразеологизма присуща инертность. Угасание грамматических свойств компонентов сопровождается «застыванием» фразеологической единицы в рамках определенной синтаксической конструкции. Компоненты фразеологической

единицы частично или полностью утрачивают способность к формообразованию. В этом случае, если компоненты сохраняют способность к формообразованию, наблюдается так называемая грамматическая вариативность. Но прежде следует отметить, что варьированию подлежат не все языковые характеристики фразеологической единицы.

Возможны следующие варианты:

1. Фонетические (орфоэпические):

Дохнуть (дыхнуть) некогда.

2. Лексические, в том числе:

А) лексико-тематические:

Медведь (слон) на ухо наступил;

Б) синонимические:

Перейти (переступить) грань (черту);

Кричать (орать) во всю ивановскую.

3. Словообразовательные:

Свистеть (свистать) в кулак;

Пальцы (пальчики) оближешь.

4. Синтаксические, в том числе такие варианты:

А) порядок следования компонентов:

Кромешный ад – ад кромешный;

Б) вызванные возможностью дистантного расположения компонентов фразеологической единицы в структуре, предложения-высказывания:

Ходить на задних лапках перед кем-нибудь – ходить перед кем-то на задних лапках;

В) обусловленные возможностью синтаксической трансформации, не нарушая целостности фразеологического значения:

Взять высоту – высота взята – высота, которая взята;

Г) внутрисктурные варианты подчинительной связи:

Завязать узлом – завязать в узел.

5. Варианты, вызванные количественными колебаниями в составе фразеологической единицы, эллиптированные структуры, фразеологические единицы со словами-сопроводителями, фразеологические единицы с факультативными компонентами, фразеологические единицы со словами-вставками.

Устойчивости как категориальному признаку фразеологической единицы противостоит словный характер ее компонентов. Эта связь компонента со словом-прототипом поддерживается другим категориальным признаком фразеологической единицы – ее раздельнооформленностью.

«Раздельнооформленность – свойство фразеологической единицы, постоянно вызывающее актуализацию ее компонентов, возвращающее им в речи статус (признаки) слова»¹¹

Каждый компонент фразеологической единицы имеет определенное лексико-грамматическое оформление и имеет графическую отдельность. Сверхсловный характер фразеологической единицы обуславливает следующие основные ее структурные признаки:

1. Наличие как минимум двух слов-компонентов, обязательно одного компонента, генетически восходящего к знаменательному слову.

¹¹ Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: 1980 – с.46

2. Акцентологическую раздельнооформленность фразеологической единицы, включающей в свой состав несколько слов-компонентов, генетически восходящих к знаменательным словам.
3. Графическую раздельнооформленность, под ней понимается пробел между компонентами фразеологической единицы.
4. Орфографическую раздельнооформленность, предполагающую до определенного предела лексико-грамматическую самостоятельность каждого компонента.

Абсолютизирующей силой семантической и синтаксической целостности фразеологической единицы является фразеологическая образность.

Семантическая целостность представляет собой внутренне смысловое единство, вызванное к жизни деактуализацией компонентов, входящих в состав фразеологизма. Семантическая целостность во многих случаях предопределяется метафорическим переосмыслением свободного словосочетания. При переосмыслении такого словосочетания слова, входящие в него деактуализируются в семантическом отношении, утрачивая при этом предметную направленность, былую способность расчленяться на дифференциальные семантические признаки, так, в составе фразеологизма **лежать на боку**, выступающего со значением «**ничего не делать, бездельничать**», компоненты «**лежать**» и «**бок**», вследствие деактуализации, теряют связь с соответствующими словами свободного употребления. Взаимодействием свободного словосочетания с переосмысленным на его основе фразеологизмом создается внутренний образ, внутренняя форма фразеологизма, живущая в семантической структуре фразеологической единицы и во многом предопределяющая ее семантическую эволюцию.

Внутренняя форма присуща лишь тем фразеологизмам, которые могут быть наложены на свободное словосочетание такого же лексического состава и на его фоне дают семантический и метафорический эффект, например:

Брать быка за рога, висеть на волоске, мутить воду, подставлять ножку, рыться в грязном белье, бездонная бочка, каша во рту, тертый калач, намылить голову и другие.

Понятие образности традиционно понимается как семантическая двуплановость, проявляющаяся при переносе наименования, то есть происходит совмещение двух представлений – «исходного, называемого образной основой, или образом, и того, которое с исходным представлением сравнивается»¹²

К семантической двуплановости необходимо относить не только случаи существования нового представления на фоне первичного у сочетаний слов в переносном значении, например:

Сматывать удочки, попадаться на крючок, но и как условного сосуществования двух представлений у сочетаний слов, которые обозначают в своем прямом значении не существующие в действительности реалии, например:

Кот наплакал, луженая глотка, курам на смех.

При этом надо помнить, что образность фразеологических единиц и их мотивированность – это не одно и то же. Фразеологическая единица может быть немотивированной, с затемненной внутренней формой, но в тоже время образной, так как при восприятии ее в нашем сознании всплывают в первую очередь исходные, прямые значения слов-компонентов, из которых она состоит. И лишь потом мы «осмысляем» то значение, которое приобретает сочетание слов, выступая уже как фразеологизм.

Степень образности, степень выраженности семантической двуплановости в разных фразеологизмах может быть различной, но она присутствует всегда. Степень образности обусловлена следующим обстоятельством: действительно ли фразеологическая единица восходит генетически к реально функционирующему в речи свободному сочетанию слов, на основе которого

¹² Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: 1997 – с.128

она возникла (**лежать на печи, ворон считать**), или же это сочетание только условно (**луженая глотка, звезд с неба не хватать**).

Яркость образности фразеологической единицы зависит от лексико-грамматических отношений между компонентами этих единиц. В качестве примера фразеологической единицы с «затемненной» образностью можно привести такие единицы, как **на ять, не щадя живота своего** и другие. Незначительные смысловые сдвиги в значении речевых вариантов фразеологической единицы не нарушают ее образной основы.

1.4 Классификации фразеологизмов по степени семантической слитности

Основы фразеологии как лингвистической дисциплины, ее предмет и задачи исследования были определены академиком В.В.Виноградовым. Им была предложена семантическая классификация фразеологических оборотов, которая определила целый этап в развитии русской фразеологической науки – этап первичных теоретических поисков.

В основу классификации В.В.Виноградова положено такое свойство фразеологических единиц, как семантическая слитность компонентов. На основе этого свойства он выделяет три типа фразеологических единиц:

Фразеологические сращения;

Фразеологические единства;

Фразеологические сочетания.

Фразеологические сращения.

Фразеологическими сращениями называются такие лексически неделимые сочетания, значение которых не определяется значением входящих в них слов, например, смысл фразеологизмов **бить баклуши** (бездельничать), **с бухты-барахты** (необдуманно), **как пить дать** (непременно) не мотивированно значением составляющих компонентов, так как, во-первых в лексической системе современного русского языка нет полноценных по значению слов,

самостоятельно существующих слов **баклуши, бухты, барахты**, во-вторых, значение слов **бить, пить** в условиях данного сочетания оказываются лексически ослабленными, опустошенными, ср. основные значения глаголов **бить**-наносить удары, **пить** - поглощать жидкость.

Фразеологическое сращение представляет собой семантическую единицу, однородную, лишенную внутренней формы. Семантически сращение в большинстве случаев оказывается эквивалентом слова, своеобразным синтаксическим составным словом. « Оно ни есть произведение, ни сумма семантических элементов. Оно - химическое соединение каких-то растворившихся и с точки современного языка аморфных лексических частей»¹³.

Таким образом, основным признаком фразеологического сращения является его лексическая неделимость, абсолютная семантическая спаянность, при которой значение целого оборота не может быть введено из значения составляющих его слов.

В некоторых случаях грамматические формы слов и грамматические связи не могут быть объяснены, мотивированы с точки зрения современного русского языка, то есть воспринимаются как грамматические архаизмы, например: **от мала до велика, ничтоже сумняшеся, шутка сказать** и другие. Устаревшие грамматические формы слов и немотивированные синтаксические связи лишь поддерживают лексическую неделимость оборота, его семантическое единство.

Синтаксически фразеологические сращения выступают в роли единого члена предложения.

Фразеологические единства.

Фразеологическими единствами называются также лексически неделимые обороты, общее значение которых в какой-то степени мотивировано

¹³ **Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М.: Высшая школа, 1972 - с.25**

переносным значением слов, составляющих данный оборот. Оно обладает «потенциальной лексической делимостью», которая предполагает некоторую «синтаксическую разложимость словосочетания»¹⁴, например, общий смысл таких единств, как **пускать пыль в глаза, плыть по течению, держать камень за пазухой, уйти в свою скорлупу, из пальца высосать** зависит от переносного значения отдельных элементов, составляющих образный «стержень» всего оборота.

Образность присуща в той или иной мере фразеологизмам всех типов, является результатом употребления отдельных слов, составляющих фразеологизмы в переносном значении. Однако не все типы устойчивых сочетаний обладают одинаковой образностью, и далеко не в каждом из них эта образность может быть соотнесена со значением отдельных компонентов и мотивирована. Так, образность фразеологических сращений является потухшей, уже немотивированной и совершенно независимой от значения составных элементов. В отличие от сращений, фразеологические единства «обладают свойством потенциальной образности». Что дает основание некоторым ученым (Б.А. Ларин, А.Г. Руднев) называть обороты подобного типа метафорическими сочетаниями. Образность фразеологических единств отличает их не только от сращений, но и от омонимичных свободных словосочетаний, ср.:

Закидывать удочку – намекать на что-либо и

Закидывать удочку – в прямом значении.

Лексический состав фразеологических единств неделим. Это сближает их со сращениями. Но, в отличие от сращений, части фразеологических единств могут быть отделены друг от друга вставкой каких-либо слов, например:

Лить воду на (мою, твою, свою, чужую) **мельницу.**

Грамматические формы и синтаксический строй фразеологических единств строго определены, но, как правило, объяснимы и мотивированы существующими в современном русском языке формами и связями, ср. :

¹⁴ Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972 – с.27

Положить зубы на полку и

Положить книги на полку.

Замена слов в составе единства, а также подстановка синонима приводит или к разрушению образности, присущей данному обороту, или к изменению его экспрессивного смысла, что создает благоприятные условия для индивидуального стилистического обновления единства в речи.

По степени лексической неделимости компонентов к фразеологическим единствам примыкают и те составные термины, которые в процессе употребления получили обобщенно-переносное значение, например: **точка замерзания, первая скрипка, центр тяжести, ср.: наклонная плоскость** (геометрический термин) и **покатиться по наклонной плоскости** (фразеологизм).

Фразеологические сочетания.

Фразеологическими сочетаниями называются такие устойчивые обороты, общее значение которых полностью зависит от значения составляющих слов. Слова в составе фразеологического сочетания сохраняют относительную семантическую самостоятельность, однако являются несвободными и проявляют свое значение лишь в соединении с определенным замкнутым кругом слов, например, слово **слезно** сочетается только со словами **умолять, просить**. Следовательно, один из членов фразеологического сочетания оказывается более устойчивым и даже постоянным, а другой – переменным. Наличие постоянных и переменных членов заметно отличает их от сращений и единств. Значение постоянных членов (компонентов) является фразеологически связанным, например, в сочетаниях **сгорать со стыда, тоска берет** постоянными компонентами будут **сгорать и берет**, так как именно эти слова являются основными (стержневыми) элементами и в других фразеологических сочетаниях:

Сгорать от стыда, от позора;

Сгорать от любви, от нетерпения, от зависти;

Берет тоска, раздумье, досада, злость, зависть;

Берет охота, берет смех.

Употребление иных компонентов невозможно, например, **сгорать от радости, берет улыбка**. Это обусловлено существующими семантическими отношениями внутри языковой системы. Значения подобных слова являются в системе оборотов фразеологически связанными, т.е. реализуются только с определенным кругом слов.

Фразеологические выражения.

Н.М.Шанский расширил классификацию В.В. Виноградова, включив в состав фразеологических единиц фразеологические выражения.

В отличие от описанных выше типов фразеологических единиц, которые преимущественно включаются в состав того или иного предложения и выполняют в нем функцию его отдельных членов, фразеологические выражения сами могут выступать как самостоятельные предложения. Они представляют в большинстве случаев предложения пословичного типа с яркой эмоциональной окраской и выразительностью, например:

Любишь кататься – люби и саночки возить;

Гусь свинье не товарищ.

Фразеологические выражения состоят из слов со свободными значениями, что сближает их со свободными словосочетаниями, но в процессе общения воспроизводимые как готовые речевые единицы, что сближает их с фразеологическими единицами. В процессе общения они не образуются они не образуются заново говорящими, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением.

Классификация фразеологических единиц по структуре и составу.

По структуре профессор Н.М.Шанский делит фразеологические единицы на две

группы:

1. Фразеологизмы, соответствующие предложению.
2. Фразеологизмы, соответствующие сочетанию слов.

Среди фразеологизмов 1-й группы выделяются два вида:

А) номинативные фразеологизмы, называющие то или иное явление действительности: кот наплакал, руки не доходят, куры не клюют. Они выступают в функции какого-либо члена предложения;

Б) коммуникативные фразеологизмы, передающие целое предложение:

Счастливые часов не наблюдают;

На сердитых воду возят;

Голова идет кругом.

Следует отметить также, что одной из наиболее характерных особенностей фразеологического оборота как воспроизводимой языковой единицы является постоянство его состава.

Фразеологический оборот всегда выступает в предложении синтаксически неразложимым в качестве того или иного его члена. Преимущественное употребление того или иного фразеологизма в функции именно этого, а не какого-либо другого члена предложения целиком зависит от соотношенности с определенной частью речи, то есть от его лексико-грамматического значения, например, фразеологизмы спустя рукава, рукой подать по своему лексическому значению аналогичны наречиям.

Однако лексико-грамматическое значение стержневого слова далеко не всегда совпадает с лексико-грамматическим значением фразеологизма. Так, фразеологизм рукой подать в качестве стержневого слова имеет глагол подать, а фразеологизм битый час имеет в качестве стержневого слова существительное час, однако в лексико-грамматическом значении оба они аналогичны наречию.

1.5 Лексико-семантические отношения в системе фразеологии

Полисемия фразеологических единиц основана на возникновении связей, цепочек, ассоциаций между предметами. Многозначная фразеологическая единица может иметь несколько лексико-семантических вариантов, например:

Валять дурака – 1) притворяться глупым, непонимающим.

2) шутить, дурачиться, паясничать.

Общее значение – вести себя неадекватно.

Омонимичными могут быть фразеологические единицы, разные по значению, но одинаковые по форме, например:

Показать нос – появиться где-то;

Показать нос – дразнить.

Фразеологические единицы – синонимы – разные по компонентному составу, но одинаковые по содержанию фразеологические единицы, которые также могут различаться семантическими и стилистическими признаками, например:

На край света – куда Макар телят не гонял – к черту на кулички;

Пасть духом – опустить руки – повесить нос;

Сыграть в ящик – сойти в могилу – откинуть копыта – почить вечным сном.

Разграничения фразеологических вариантов и синонимов.

Во фразеологической системе различают синонимию и вариантность. Единой точки зрения на то, что считать синонимом, а что вариантом не существует.

Фразеологическими единицами – синонимами признаются фразеологические обороты, хотя очень близкие по значению, но с разной образной основой (семантический признак) и не допускающие замены компонентов от одного фразеологизма к другому (формальный признак), например:

Сыграть в ящик – сыграть в могилу;

Сойти в могилу – сойти в ящик.

Фразеологические единицы – варианты – это фразеологические обороты с

одной образной основой, с общей частью (компонентом) и возможной заменой компонентов:

Отбросить копыта – отбросить коньки;

Выпучить глаза – вылупить глаза – вытаращить глаза.

Антонимия.

Антонимы – это одинаковые по компонентному составу, но противоположные по значению фразеологические единицы.

Фразеологические единицы – антонимы могут быть двух типов:

- 1) *Синонимический тип* (разные внутренние формы и разный компонентный состав):

Куры не клюют – кот наплакал;

Капля в море – хоть пруд пруди;

Рукой подать – у черта на куличках.

- 2) *Вариантный тип* (один общий компонент, один варьирующийся компонент):

Пасть духом – воспрянуть духом;

Заварить кашу – расхлебывать кашу.

Выводы по 1-й главе

Фразеология как лингвистическая дисциплина завоевала в настоящее время достаточно прочные позиции. Лингвисты-исследователи исследуют различные аспекты фразеологии.

Однако в современном языкознании среди ученых нет единого мнения относительно объема и состава фразеологии. В науке сложилось два направления по этому вопросу: «узкое» и «широкое».

«Узкое» направление считает, что фразеологизм – это только словосочетание. Представители другого направления в объем фразеологии включают все, что воспроизводится в готовом виде, не являясь словом.

Фразеологический оборот как особая языковая единица представляет собой довольно сложное и противоречивое единство. Будучи отдельно оформленным, он наделен целостным значением. Одни свойства сближают фразеологизм со словом, другие – со словосочетанием.

Однако ученые выделяют набор признаков, по которым все же можно охарактеризовать семантические, структурные и функциональные особенности фразеологической единицы, позволяющую отграничить ее от других языковых единиц.

Фразеологическая единица не создается в процессе речи, а извлекается из памяти целиком как готовая языковая единица, для нее характерно постоянство в значении, составе, структуре (аналогично словам).

С точки зрения семантической слитности выделены четыре типа фразеологических оборотов:

Фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

По структуре фразеологизмы делятся на две группы:

Фразеологизмы, соответствующие предложению и фразеологизмы, соответствующие сочетанию слов. Фразеологический оборот всегда выступает в предложении синтаксически неразложимым в качестве того или иного члена.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА ВАРИАНТНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЯ

Проблема вариантности ФЕ, несмотря на ее широкое освещение в литературе, до сих пор является дискуссионной.

Варьирование во фразеологии - явление, которое может касаться как плана содержания, так и плана выражения. Е.И. Диброва выделяет следующие типы соотношения между формой и содержанием вариантной ФЕ: «1) форма вариантна — содержание однозначно; 2) форма невариантна -варьирует содержание; 3) форма варьирует - варьирует содержание».¹⁵ Однако подобное мнение разделяют далеко не все исследователи.

2.1. Узкое и широкое понимание вариантности фразеологизмов

Представители традиционных взглядов на явление фразеологической вариантности считают вариантами лишь такие модификации ФЕ, которые никак **не** отражаются на семантике, затрагивая только форму. Типология варьирования плана выражения - достаточно разработанная область фразеологии. В основе большинства классификаций лежит вариантный ряд ФЕ, характеризующийся разнообразными изменениями формы, не нарушающими семантического тождества единицы, в соответствии с чем выделяются следующие типы варьирования: фонетическое, словообразовательное, морфологическое, лексическое, структурное. В ряде работ к особому типу варьирования относится также количественное изменение компонентного состава ФЕ.

Менее однозначно решается вопрос о варьировании плана содержания ФЕ, поскольку основным критерием при выделении фразеологических вариантов большинством ученых признается как раз признак семантического тождества, который кладется в основу разграничения вариантов и синонимов. Тем не

¹⁵ Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979 - С. 20.

менее возможность семантического варьирования ФЕ признается в настоящее время многими исследователями [Бондаренко 1995; Мелерович, Мокиенко 1997]. При этом семантические изменения могут не затрагивать форму фразеологических единиц, но часто бывают «сопряжены с изменением их внешних параметров - лексического состава, строения, грамматической формы, порядка следования компонентов... В живом употреблении семантические и формальные изменения комбинируются, перекрещиваясь и пересекаясь».¹⁶

Эти два подхода к категории вариантности во фразеологии определили ее узкое и широкое понимание. В первом случае допускается лишь варьирование формы, во втором — под вариантностью понимается формально-содержательные изменения ФЕ.

Что касается вариантности ФЕ в языке писателя, то здесь исследователь неизбежно сталкивается с проблемой разграничения узуальных и окказиональных вариантов. В.М. Мокиенко предостерегает от чрезмерного преувеличения возможностей индивидуального фразеотворчества, поскольку это нередко ведет к ложным констатациям исторического характера: «Широко бытующие в народной речи обороты признаются плодом творчества того или иного писателя; оборот, возникший на базе общеязыковой модели, называется индивидуальным "крылатым словом"; вариант фразеологизма, взятый писателем из просторечного обихода, определяется как авторское преобразование... Как правило, причиной подобного преувеличения роли писателей в создании фразеологического фонда является недооценка варьированности как характерного свойства фразеологизма».¹⁷

2.2. Индивидуально - авторское варьирование фразеологизмов

Исследование проблемы индивидуально-авторского преобразования фразеологической единицы связано также с разграничением ее нормативного и

¹⁶ Бондаренко В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учебное пособие по спецкурсу. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1995 - С. 31.

¹⁷ Мокиенко В.М. Славянская фразеология. - М.: Высшая школа, 1989 - С. 20.

ненормативного употребления. Ученые по-разному решают вопрос о том, возможны ли окказиональные преобразования в границах нормы или все они осуществляются с нарушением нормы.

Исходя из того, что индивидуально-авторские преобразования потенциально заложены в языковой системе, в природе самой фразеологической единицы, в особенностях ее формы и содержания, «некоторые ученые считают индивидуально-авторские преобразования нормативным явлением, которое допускается языковой системой и ее законами. Норма, следовательно, обладает таким диапазоном варьирования, что регулирует не только воспроизведение языковых единиц в речи, но и их преобразование».¹⁸

Другие исследователи признают ненормативность индивидуально-авторского преобразования только по отношению к языковой норме. Что же касается нормы речевой, то, как, например, считает Н.Л. Шадрин, окказиональное преобразование в плане речи «есть реализация одной из возможных форм употребления фразеологических единиц и должно поэтому рассматриваться как явление, не выходящее за пределы речевой нормы».¹⁹

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что индивидуально-авторское варьирование ФЕ в текстах писателей имеет определенные закономерности. Ученые отмечают повторяемость трансформаций ФЕ в языке разных авторов, достаточно строгую моделируемость основных типов перевоплощений ФЕ в тексте [Мелерович, Мокиенко 1997]. Однако прийти к данной точке зрения исследователи смогли, только имея в своем распоряжении некоторое количество работ, анализирующих варьирование ФЕ в произведениях отдельных писателей и поэтов, и сравнивая результаты такого анализа.

¹⁸ Бойченко В.В. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Санкт-Петербург, 1993 - С. 9.

¹⁹ Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991 - С. 175.

В 60-е - 70-е годы XX в. интерес к данной области фразеологии только начинает проявляться. В исследованиях этих лет основной упор делается на классификацию типов варьирования в произведениях какого-либо одного автора (чаще всего в определенном или в определенных текстах), причем характерными чертами таких работ являются неоднородность терминологии, разноречивой при выявлении типов окказионального варьирования ФЕ, когда одно и то же явление разные авторы относят к разным типам фразеологических трансформаций. Основная ценность подобных исследований, безусловно, заключается в том, что они привлекли внимание к анализу типов индивидуально-авторского варьирования ФЕ в языке писателя как к направлению во фразеологии [Бодрова 1969, Максимова 1974, Алтыбаев 1977].

В следующее десятилетие проблема варьирования ФЕ глубоко и всесторонне изучается фразеологами [Труфанова 1985, Подгурска 1990]. Работы этих лет отличает, с одной стороны, более единообразная терминология и общность способов анализа фразеологических трансформаций, с другой стороны, исследователи стараются найти новые, нетрадиционные аспекты при анализе данного явления. Весьма оригинальный взгляд на авторское использование ФЕ находим в монографии А.Г. Ломова «Фразеология в творческой лаборатории А.Н. Островского» [Ломов 1987]. Классификация индивидуально-авторских трансформаций фразеологизмов проводится автором в традиционном русле подобных исследований, необычным является одно из направлений анализа. В главе «Фразеологизирование контекста пьес» выявляется характер разночтений ФЕ в рукописях А.Н. Островского, причем обнаруженные «фразеологические» правки, как их называет автор монографии, встречающиеся в черновых и беловых автографах писателя, рассматриваются с точки зрения их стилистических и идейно-смысловых функций в контексте пьес. Автор подробно исследует такие способы насыщения пьес фразеологизмами, как замены лексемы устойчивым выражением, появление ФЕ в тексте пьес путем введения дополнительного компонента к уже имеющейся в

тексте лексической единице, эпентеза ФЕ в контексты, в которых они изначально отсутствовали. Насколько нам известно, подобные исследования, во всяком случае в сфере фразеологии, являются уникальными, по крайней мере, для того времени, когда они проводились. Правда, анализ фразеологизации пьес, т. е. насыщения их фразеологизмами, в данной работе идет отдельно от анализа окказионального варьирования ФЕ в произведениях писателя, хотя, весьма вероятно, А.Н. Островский, используя эти приемы, преследует одни и те же цели. Интересный аспект, которому посвящена одна из глав книги, - способы введения ФЕ в контекст. Работа А.Г. Ломова открывает новое направление в изучении использования ФЕ писателями, в русле которого и проводятся в 90-е годы многие исследования, - фразеология в идиостиле писателя.

Среди работ подобного рода следует отметить труды Н.А. Ковалевой «Авторское фразообразование и коммуникативная стратегия текста (на материале писем А.П. Чехова)» [Ковалева 1992] и М.А. Фокиной «Роль фразеологии в организации идиостиля А.М. Ремизова» [Фокина 1995]. Данные исследования сближает попытка определить «роль ФЕ в создании семантически целостного художественного текста на основе многообразия их внутритекстовых связей между собой и с другими единицами текста, обеспечивающих текстовую изотопию и определяющих пресуппозицию текста». ²⁰ Таким образом, одним из путей изучения фразеологии в языке писателя становится путь анализа текста художественного произведения и уяснения роли ФЕ в нем. Адекватное понимание текста, а следовательно, и адекватный анализ его тесно связаны с пониманием мировоззрения писателя как языковой личности. Исследователи обращают внимание прежде всего на общую направленность текста, на целевую установку, «которая принуждает художника слова не только отбирать определенные факты, но и давать их в

²⁰ Фокина М.А. Роль фразеологии в организации идиостиля А.М. Ремизова (на материале повестей «Часы», «Неумный бубен», «Крестовые сестры», «Пятая язва», «Канавы»): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Орел, 1995 - С. 2.

определенном освещении, т. е. заставляет соответственно организовывать речь, обуславливает композицию и характер языковых средств».²¹

В исследованиях 90-х годов делается также попытка найти такие пути анализа ФЕ, которые имели бы выход на особенности индивидуального стиля писателя и роль фразеологии в нем. В этом смысле показательна, как нам кажется, работа Е.В. Лаврушкиной «Фразеология как компонент идиостиля И.С. Тургенева и проблема сохранения этого компонента в иноязычных переводах произведений писателя» [Лаврушкина, 1999]. Заявленная в названии проблема, безусловно, является весьма актуальной, однако ее исследование по существу сводится к функционально-стилевой и тематической дифференциации ФЕ в произведениях И. С. Тургенева, выявлению функций ФЕ в речи рассказчика и в речи персонажей с последующим рассмотрением основных типов индивидуально-авторских преобразований ФЕ. Такое понимание проблемы, несомненно, имеет право на существование, хотя, на наш взгляд, если исследователь анализирует фразеологический состав произведений писателя как компонент его идиостиля, то он прежде всего должен выявить особые для данного автора способы введения ФЕ в контекст, индивидуальность употребления, функционирования или изменения ФЕ в тексте и их место в ряду других особенностей идиостиля писателя. Констатация же того, что в речи рассказчика ФЕ обладают описательной функцией, а в речи персонажей - характерологической, мало что может дать нам в этой области, так как в художественных текстах практически любого писателя основные функции ФЕ будут распределяться так же. Тем не менее данная работа весьма интересна тем, что в ней проанализирован большой фактический материал, взятый из произведений И.С. Тургенева, современника Л.Н. Толстого, и, кроме того, по сравнению с вышеназванными исследованиями, она отличается тем, что в ней приводятся некоторые статистические сведения по использованию

²¹ Ковалева Н.А. Авторское фразообразование и коммуникативная стратегия текста (на материале писем А. П. Чехова): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - М., 1992 - С. 8.

фразеологических единиц в текстах писателя, например число ФЕ по отношению к числу страниц в каждом из рассматриваемых произведений с указанием коэффициента использования ФЕ.

Повышенное внимание ученых, особенно в последние десятилетия, к проблеме фразеологической вариантности, а также к смежным явлениям приводит к тому, что постепенно начинают определяться новые направления в изучении данной проблемы. Одним из таких направлений, приоритет в котором по праву принадлежит новгородской фразеологической школе во главе с А.В. Жуковым, является исследование фразеологической переходности [Жуков А.В. 1984], к которой исследователи вслед за А.В. Жуковым относят «обороты с остаточными или приобретенными лексико-семантическими свойствами отдельных компонентов». ²² При этом вариантность признается одной из наиболее характерных форм фразеологической переходности, наряду с гибридностью, синкретизмом и потенциальностью. При исследовании фразеологических вариантов (как узуальных, так и окказиональных) наибольшие трудности возникают при отграничении их от фразеологических синонимов. По мнению исследователя, бывают случаи, когда эту проблему нельзя решить однозначно и следует относить такие образования к явлениям фразеологической переходности.

Своеобразным синтезом теории и практики исследования типологии окказионального варьирования ФЕ стал словарь «Фразеологизмы в русской речи» [Мелерович, Мокиенко 1997]. Данный словарь представляет собой уникальный опыт описания ФЕ в их вариантной многообразии и речевой динамике, поскольку каждая словарная статья снабжена многочисленными примерами, которые отражают реальное употребление и окказиональные изменения ФЕ в классической и современной литературно-публицистической речи, своеобразие использования ФЕ разными авторами. Вступительная статья

²² Жуков А.В. Фразеологическая переходность в языке и в словаре // Проблемы русской и общей фразеологии. - Новгород, 1990 - С. 39.

включает параграф, содержащий описание всех выделенных составителями типов индивидуально-авторских преобразований ФЕ. Можно считать, что опыт составления данного словаря подводит определенный итог разработкам в области индивидуально-авторского варьирования ФЕ, так как наглядно демонстрирует наличие закономерностей при окказиональных трансформациях ФЕ в текстах различных авторов. К такому же выводу приходят и другие исследователи. Н.Л. Шадрин, в частности, отмечает, что «речевые инновации в сфере фразеологии не абсолютно произвольны, ибо могут осуществляться лишь в пределах тех потенций, которые заложены в самой языковой системе и допускаются ее законами».²³ Таким образом, возможность окказионального нарушения норм при употреблении ФЕ в авторской речи опирается на законы языка и потому сама является вполне нормативной.

Если говорить о проблеме вариантности ФЕ в языке писателя применительно к Л.Н. Толстому, то следует отметить, что данная область относится к разряду наименее исследованных. Чаще этот вопрос затрагивался попутно при анализе других аспектов, связанных с фразеологией в языке Толстого. Специальных работ, посвященных данной проблеме, очень мало. Все они представляют собой небольшие статьи в сборниках материалов Толстовских чтений. Так, Ю.А. Гвоздарев посвятил свое исследование вариантности фразеологических единиц, в том числе индивидуально-авторских, в романе «Анна Каренина» [Гвоздарев 1971]. В статье М.Г. Шатух рассматриваются фразеологизмы, их типы и варианты в драматических произведениях Л.Н.Толстого [Шатух 1974]. Интересный анализ эллипсиса фразеологических единиц в романе «Война и мир» содержится в работе Т. В. Ренской [Ренская 1977]; ею же исследовались вариации фразеологических единиц в речи семьи Ростовых (на материале романа «Война и мир») [Ренская 1974].

²³ Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991 – С. 144.

Естественно, эти немногочисленные изыскания, как бы они ни были глубоки и содержательны, не могли решить всего комплекса вопросов, связанных с варьированием ФЕ в текстах Толстого в первую очередь потому, что их авторы не ставили перед собой подобных задач. Не следует забывать также, что подавляющее число исследований, в которых толстовские тексты подвергались анализу с точки зрения использования в них фразеологии, были написаны в доперестроечные годы, вследствие чего мировоззрение писателя зачастую преднамеренно или непреднамеренно искажалось в угоду существовавшим в обществе представлениям о Л.Н. Толстом как о личности, в том числе языковой личности. Кроме того, в последние десятилетия фразеология открыла новые направления изучения ФЕ в речи, многие достижения последних лет практически не применялись к творчеству Л.Н. Толстого.

2.3. Функционально-параметрический подход в исследовании фразеологических единиц

В последние годы в лингвистике наблюдается тенденция к функционально-коммуникативному исследованию языкового материала, что повлекло за собой выработку новых классификационных концепций, смену исследовательского инструментария, динамическое рассмотрение языковых единиц в аспекте порождения речи и т. п.

Функционально-коммуникативный принцип анализа фразеологического материала предполагает подход к фразеологизму как к сложной семантической структуре, состоящей из множества компонентов, которые отражают структуру значения ФЕ по типам передаваемой информации. Такое рассмотрение ФЕ называют параметрическим [Борисова, Диброва, Добровольский, Телия, Черданцева 1987].

Определяя статус параметра, Ю.Н. Караулов пишет: «Под параметром понимается некоторый квант информации о языковой структуре, который в экстремальном случае может представлять для пользователя самостоятельный интерес, но, как правило, выступает в сочетании с другими квантами (параметрами) и находит специфическое выражение в словарях; иными словами - это особое словарное представление структурных черт языка».²⁴

В.Н. Телия предложила параметрическое представление значения фразеологизма в виде схемы, состоящей из нескольких блоков, которые являются определенными квантами информации, заключенной в ФЕ [Телия 1987; 1988]. Сущность подобного блочного представления значения ФЕ (в работах Телия - фразеологизма-идиомы) заключается в расчленении всей информации, несомой планом содержания фразеологизма, на ряд макрокомпонентов значения. К ним относятся: категориально-грамматическая информация, которая дает сведения о «глубинно-семантическом» (в отличие от «поверхностно-синтаксического») соответствии ФЕ событиям, фактам, явлениям, отношениям, свойствам или предметам; денотативная информация, к которой относятся сведения о классе обозначаемых в мире событий; оценочная информация, которая выражает модальное и субъективное по своей природе отношение говорящего к ценности обозначаемого объекта (по шкале 'хорошо'- 'плохо'); информация, содержащая мотивирующее основание значения фразеологизма - мотивировка чаще бывает образно-ассоциативной, иногда звуко-символической или вообще утраченной; информация, выражающая эмотивное чувство-отношение говорящего к обозначаемому в диапазоне 'одобрение' - 'неодобрение'; и, наконец, информация о функционально-стилистической маркированности фразеологизма.

Параметризации значения ФЕ дает возможность членить на семантические зоны значение фразеологизмов и тем самым упорядочить, технологизировать способ их представления в словаре, например во фразеологическом подфонде

²⁴ Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: 1981 - С. 51.

Машинного фонда русского языка. Однако функционально-параметрический подход к исследованию содержательной стороны ФЕ может быть полезен не только при составлении фразеологических словарей. При анализе окказиональных употреблений ФЕ параметрическое представление фразеологического значения помогает определить конкретную зону изменения по сравнению с узусом.

При функционально-коммуникативном подходе к изучению ФЕ необходимо учитывать те особенности, которые ориентированы на синтез фразеологического значения и шире — на организацию высказывания и даже текста. С этой целью в словаре, например, важно выделить все параметры, определяющие зону дефектности фразеологизма, а именно: указать на возможность изменения эмотивности в зависимости от личного дейксиса («о себе не говорят ни хорошо, ни дурно, о третьем лице позволительно говорить как бы "судейски", а "ТЫ-грамматика" - это речевое взаимодействие, сродни любой поведенческой акции, что и налагает определенные аспективные ограничения на выбор фразеологизмов»)²⁵, подчеркнуть все параметры зоны поверхностного выражения (грамматические характеристики компонентов, дефектность их парадигм и т. п.) и параметры синтагматических зон (семантические и синтаксические сведения о контекстах, в которых может быть употреблена данная ФЕ, сведения об ограничениях стилистического характера, указания на условия прагматического употребления и т. п.). Важность подобных характеристик ФЕ в словаре очевидна, поскольку они помогают правильно использовать фразеологический состав русского языка с учетом его коммуникативного предназначения, соответственно норме конструировать высказывания, включающие фразеологизмы. Не менее актуален такой подход и при анализе употребления ФЕ в речи писателя. В данном случае для

²⁵ Телия В.Н., Баранов А.Н., Борисова Е.Г., Добровольский Д.О. Компьютерная фразеография и ее концептуальные оппозиции // Фразеография в Машинном фонде русского языка. - М., 1990 - С. 26.

исследователя должно быть важно, нарушен ли узус и какие именно узусальные нормы подверглись изменению.

При функционально-коммуникативном подходе обязателен учет пресуппозиции, что помогает очертить круг «дозволенных» высказываний, а также учет экстралингвистических знаний об ФЕ. Сюда относятся прежде всего такие зоны, как «происхождение фразеологизма», устанавливаемое в этимологии, и «лингвострановедческая информация».

Таким образом, указанные преимущества делают функционально-параметрический принцип анализа семантики ФЕ наиболее перспективным в настоящее время.

Остановимся подробнее на основных макрокомпонентах семантической структуры фразеологизма.

Обязательным для ФЕ является грамматический компонент семантики. Грамматический макрокомпонент отображает все грамматические, или кодовые, свойства фразеологизма. Основными элементами грамматической информации традиционно считаются категориально-грамматическое значение, морфология ФЕ, семантические и синтаксические валентности, модели управления, ограничения в употреблении морфологических форм. При функционально-параметрическом подходе к анализу ФЕ обращает на себя внимание отказ от частеречной классификации, что является принципиально новым шагом в грамматической интерпретации ФЕ. Отказ от ставшего традиционным соотнесения ФЕ с частями речи позволил преодолеть противоречия такого подхода, являющиеся следствием противоречия между формой и содержанием самого фразеологизма. Известно, например, что глагольная по грамматически господствующему слову ФЕ может обозначать качественный признак, а именная - выступать в роли предиката как первичной для нее синтаксической функции. На функционально-коммуникативной основе в грамматическом описании выделяются следующие классы: имена предметов,

имена процессуальные, имена признаков, а также имена, выполняющие строевую функцию.

Обязательным для ФЕ, способных обозначать факты внеязыковой действительности, является дескриптивный макрокомпонент, который содержит сигнификативное или денотативное значение. Сигнификативное значение, будучи обобщенным, «отражает наиболее существенные признаки однотипных объектов в логической форме понятия или суждения».²⁶ Оно излагается в словарях в толковании. Денотативное значение - это конкретное, реализуемое в речи значение ФЕ, соотносимое с определенным объектом данного класса, т. е. с денотатом.

ФЕ способны обозначать не только объективную действительность, но и действительность субъективную, которая является преобладающей в семантической структуре ФЕ, проявляясь в оценочной деятельности говорящего субъекта, в образно-ассоциативном восприятии мира, в эмотивном к нему отношении. Знаковая функция ФЕ (особенно тех, которые не утратили ассоциативно-образный или ассоциативно-стилистический план) состоит в «замещении» чувства-отношения говорящего к обозначаемому, при этом денотативное содержание (само обозначаемое реальной действительности) отступает на задний план, на первый план выходит именно это чувство-отношение, которое и занимает «вершинную» позицию в отражении действительности²⁷.

Вся совокупность информации, которая связана с выражением отношения говорящего к действительности, сосредоточена в коннотативной зоне фразеологического значения, которая является прагматически ориентированной и включает оценочный, мотивационный, эмотивный и стилистический макрокомпоненты.

²⁶ Бондаренко В.Т., Колодезнев В.М. Русский язык. Лексикология. Фразеология. - Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1996 - С. 92.

²⁷ Телия В.Н., Баранов А.Н., Борисова Е.Г., Добровольский Д.О. Компьютерная фразеология и ее концептуальные оппозиции // Фразеология в Машинном фонде русского языка. - М., 1990 - С. 32-34.

Очень важное значение в семантике ФЕ имеет оценочный макрокомпонент. Он несет информацию о ценности того, что отображается в денотативном содержании ФЕ. Оценка действует в контексте мнения в диапазоне «хорошо - плохо» (оценка по качеству) или «больше нормы - меньше нормы» (оценка по количеству). Оценочное значение чаще всего амбивалентно, поскольку зависит от ценностной ориентации говорящего. (Ср., например, разницу в оценке ФЕ *замазать рот* кому-либо чем-либо - «заставить молчать, используя психологическое давление» - в следующих контекстах: *Вы мне рот не замажете!* и *Не волнуйся, мы ему быстро замажем рот, лишнего не скажет*. В первом случае *замазать рот* - это плохо, оценка отрицательная, во втором - наоборот, это хорошо, говорящий положительно относится к данному явлению).

Особую роль в семантической структуре ФЕ играет мотивационный макрокомпонент. Мотивация фразеологического значения во многом основывается на образе, лежащем в основе номинации и образующем то, что в современной лингвистике принято называть внутренней формой ФЕ. В этом смысле внутреннюю форму фразеологизма можно рассматривать как способ организации значения ФЕ.

В настоящее время фразеологи критически относятся к известному мнению о том, что в основе фразеобразования лежит процесс переосмысления значений слов в данной конструкции.²⁸ В 60-е - 70-е годы во фразеологии было распространено и такое рассмотрение внутренней формы ФЕ, которое непосредственно выводило ее из прямых значений слов-компонентов.²⁹ Современный взгляд на данную проблему при определении факторов, влияющих на формирование внутренней формы ФЕ и тем самым ее мотивации, предполагает учет широкого фона лингвистических явлений, таких как

²⁸ Рысева Е.А. Тропеические механизмы идиообразования и их связь с языковой картиной мира // Фразеологические словари и компьютерная фразеография. – Орел: 1990 - С. 20.

²⁹ Ройзензон Л.И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма // Вопросы фразеологии. - Ташкент: Изд-во «Наука» Узбекской ССР, 1965 - С. 63.

собственно языковая картина мира, членение мира, характерное для данного социума, ассоциативный комплекс, возможность и способность оперировать тропами, тип и прием смысловой модификации, этимология и т. п. «Вследствие этого ассоциативно-образный комплекс можно считать "демиургом" внутренней формы, который предопределяет содержание всех макрокомпонентов значения».³⁰ С учетом этого ученые выделяют следующие основные типы мотивации [Добровольский 1988; Рысева 1990; Телия 1993]:

1. Конкретно-образная мотивированность, основанная на пространственно представимом образе. Здесь при образовании ФЕ активно действует метафора, которой могут быть соподчинены другие тропы. Например, на основе простой метафоры образованы такие ФЕ, как *вилять хвостом* - 'заискивать перед кем-либо', *врастать корнями* — 'приживаться в каком-либо месте', *носить на руках* - 'нежно любить кого-либо, заботиться о ком-либо' и многие другие.

2. Мотивированность, не вызывающая ассоциаций с конкретным представлением, но мыслимая, «умозрительная». При этом бывают задействованы такие тропеические механизмы образования ФЕ, как метафора, метонимия, синекдоха, комбинации нескольких тропов. Например, *задавать тон* — 'показывать пример в чем-либо, быть образцом для других, оказывать влияние на ход, развитие чего-либо', *вычеркивать (вычеркнуть) из памяти* — 'стараться забыть кого-либо или что-либо; переставать думать о ком-либо или о чем-либо'.

3. Мотивированность компонентом с символьным значением, при которой тропы взаимодействуют с символами и квазисимволами. *Нести крест* - 'терпеливо переносить страдания, невзгоды, мириться со своей печальной участью' (*крест* - символ страдания; восходит к евангельскому рассказу о том, как Иисус нес крест на место распятия); *лезть (полезть) в*

³⁰ Телия В.Н. Внутренняя форма и ее роль в функционировании значения слов и фразеологизмов // Семантика языковых единиц. Материалы 3-ей межвузовской научно-исследовательской конференции. Часть II. Фразеологическая семантика. Словообразовательная семантика. Морфологическая семантика. - М.: МГОПИ, 1993 - С. 58.

голову - 'неотвязно, настойчиво возникать, появляться в сознании, в памяти' (*голова* — квазисимвол познания). На возможность символьного прочтения компонента в составе ФЕ ученые обратили внимание только в самое последнее время [Черкасова 1991]. Подобные компоненты добавляют к образному содержанию ФЕ еще один, в основном абстрактный, смысл. Языковеды предлагают назвать его символьным, имея в виду, что обозначаемое этим компонентом (обычно обозначается конкретный предмет) подразумевает абстрактное представление или абстрактную идею.³¹ Такие компоненты ФЕ, имея разные онтологические статусы, вступают в отношения символизации. Так, если сопоставить фразеологические единицы с компонентом *рука*, то можно заметить, что этот компонент в разных единицах приобретает разное символьное прочтение: 'труд' — в сочетаниях *не покладая рук, чужими руками жар загребать, приложить руки* (к кому-либо, к чему-либо) и т. п. и «власть»

- в сочетаниях *иметь руку, своя рука владыка, держать вожжи в руках, отбиться от рук* и т. п. Необходимо отметить, что такое символьное значение у компонентов устанавливается с разной степенью четкости, т. к. оно формируется на более глубоком уровне семантического анализа. Смысл, манифестируемый компонентом с символьным значением, - это как бы «семантика в семантике», поскольку он обнаруживается только на фоне семантики фразеологизма. Так, в ряду сочетаний *узы крови, голубая кровь, родная кровь, голос крови, кровь заговорила у* означаемого *кровь* ('красная жидкость, которая, обращаясь в организме, обеспечивает питание его клеток и обмен веществ в нем' - БАС) формируется новое означаемое, равное примерно смыслу 'происхождение'. При этом необходимо обратить внимание на то, что символьное значение компонента - это не простое метафорическое значение (как, например, у слова *серебро* в сочетаниях *серебро волос, серебро волн* и т. п.), а значение, формируемое именно в условиях фразеологических единиц.

³¹ Черкасова И.Н. Символьный компонент в составе идиом // Макет словарной статьи для автоматизированного толково-идиографического словаря русских фразеологизмов. Образцы словарных статей. - М.: 1991 - С. 96.

Поэтому одним из важнейших условий символичности компонента является участие его в смысловой парадигме фразеологических единиц.

4. Мотивированность сжатием сюжета. *Избиение младенцев* - 'жестокая, массовая расправа над неопытными, беззащитными людьми' (собственно-русское выражение; восходит к библейскому мифу о том, как царь Иудеи Ирод приказал умертвить всех младенцев в городе Вифлееме, узнав от волхвов, что там родился Иисус, названный ими новым царем иудейским, который должен освободить евреев от власти Рима); *перейти Рубикон* - 'принять бесповоротное решение, сделать решительный шаг' (калька с латинского; в 49 г. до н. э. вопреки запрещению римского сената Юлий Цезарь со своими легионами перешел Рубикон - реку, служившую границей между Умбрией и Цезальпинской Галлией; это стало началом войны между Юлием Цезарем и сенатом, в результате которой Цезарь овладел Римом и стал диктатором); *сражаться с ветряными мельницами* — 'бороться с воображаемыми врагами; бесплодно тратить силы на борьбу с чем-либо' (из романа испанского писателя М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605-1615); в одном из эпизодов романа рассказывается, что, увидев ветряные мельницы, Дон Кихот принял их за злых великанов, вступил в борьбу с ними и был до синяков избит крыльями мельниц).

5. Мотивация, основанная на звукоподражательных эффектах. *Тары-бары-растабары* - 'пустые разговоры, болтовня' (имитация речевого звучания, первая часть входит в большое число русских просторечных и диалектных глаголов с общим значением «болтать, пустословить»: тараторить, тарабарить и т. п.); *фигли-мигли* - 'проделки, шутки, проказы, ловкие приемы для достижения чего-либо' и т. п.

6. Синтаксическая мотивация *Рылом не вышел* — 'не состоялся тем, что указано именем существительным' (воспринимается на фоне конструкции *чем-либо* — *умом, талантом, ростом и т. п.* — *не вышел*). Синтаксическая мотивированность характерна для многочисленных построений, образованных

по определенным фразеологизированным моделям, для обозначения которых исследователями употребляется в качестве синонимов несколько терминов: фразеологизированные конструкции [Шведова 1958, 1960], фразеологические схемы конструкций, или сокращенно - фразеосхемы [Шмелев 1960], синтаксические фразеологизмы [Величко 1996] и др. Это единицы типа *Что за прелесть!*; *Вот так мастер!*; *Тоже мне друг!*; *Чем не подарок!*; *Люди как люди*/ [Всеволодова, Лим Су Ён 2002].

7. Мотивация страноведческого или этимологического типа *Бить баклуши* — 'лодырничать' (*баклуши* - этимологически - чурки, откалываемые от чурбана, из которых изготавливают деревянные поделки; переносное значение объясняется тем, что изготовление баклуш считалось в народе легким, не требующих усилий и умения делом [Бирих, Мокиенко, Степанова 1999]); *куда Макар телят не гонял* — 'очень далеко' (Собственно-русское выражение. Объясняется тем, что Макар в пословицах и поговорках, в народном сознании русских людей - это бедный безземельный крестьянин, он вынужден пасти телят на самых далеких, заброшенных и запустелых выгонах. Место же, куда даже Макар телят не гонял, - еще дальше. Бедная и неудачливая судьба Макара подчеркивается во многих русских пословицах: *На бедного Макара все шишки валяются*, *Не рука Макару с боярами знаться* и др.).

Этимолого-диахронический анализ в одном случае разъясняет внутреннюю форму ФЕ, в другом случае он резко расходится с восприятием внутренней формы фразеологизма и ничего не дает для выяснения современной мотивировки фразеологического значения. Например: *костей не соберешь* — прост, 'не уцелеешь'. Это исконное русское выражение. Предполагают древнее религиозно-анимистическое происхождение. По представлениям древних людей, человеку придется на том свете плохо, если после смерти в его скелете не будет хватать костей. Это этимологическое объяснение резко расходится со «сценой», «картинкой» собирания костей, последняя ничего общего не имеет с

этимологией, являясь, однако, в современном русском языке мотивирующим фактором значения этой ФЕ.

Мотивационный компонент через посредство внутренней формы связан с денотативным компонентом фразеологического значения и в этом смысле с языковой картиной мира.

Большое значение в параметрическом анализе семантической структуры ФЕ имеет эмотивный макрокомпонент.

Эмотивный макрокомпонент значения ФЕ объединяет в себе всю информацию, которая соотносится с чувством-отношением субъекта к обозначаемому. Эмотивность проявляет свое действие на шкале «одобрение — неодобрение» [Лукьянова 1986; Матвеева 1986; Телия 1990; Трипольская 1984 и др.]. «Одобрение» и «неодобрение» - это крайние точки шкалы, между которыми располагаются другие характеристики: презрение, пренебрежение, уничижение, порицание, ласкательность, ирония и т. п. Например, эмотивный компонент значения ФЕ *вешать лапшу на уши (кому)* — по денотации 'обманывать кого-либо беззастенчиво, грубо' - пренебрежение. Эмотивность возбуждается не денотативной информацией, а ассоциативной связью с мотивирующим образом, лежащим в основе ФЕ: представим себе, что X вешает лапшу на уши У-у, это вызовет в нас чувство пренебрежения (кто же, в самом деле, допустит, чтобы ему вешали лапшу на уши, кроме совсем глупого человека).

Эмотивный макрокомпонент в структуре семантики ФЕ взаимодействует и с оценочным макрокомпонентом. Оценка действует в контексте мнения, в диапазоне «хорошо - плохо». Эмотивность же действует в контексте чувства-отношения, в диапазоне «одобрение - неодобрение». В отличие от оценки, которая хоть и субъективна, регулируется ценностными нормами, принятыми в языковом коллективе, эмотивность выражает чувство-отношение, которое может меняться в зависимости от роли актантов эмотивного отношения, пресуппозиций в тексте и других факторов, связанных именно с текстом. Один

и тот же образный стимул может вызвать различную эмоциональную окраску в зависимости от ситуации, излагаемой в контексте. Поэтому эмотивность можно считать в основном текстовой категорией, о чем свидетельствует трудность ее фиксации в словарях, а также при параметрическом анализе и описании ФЕ.

Очень важен при параметрическом представлении фразеологических единиц стилистический макрокомпонент. При традиционном описании стилистической характеристики ФЕ обычно используются три разновидности помет, которые применяются также и в словарях, описывающих лексический состав русского языка: 1) пометы функционально-стилистического содержания, указывающие на пласты речи, в которых функционирует языковая единица: разговорное, просторечное, научное, газетно-публицистическое, официально-деловое и т. п.; 2) пометы эмоционально-экспрессивного содержания: одобрительное, неодобрительное, презрительное, уничижительное, шутливое, пренебрежительное, ласкательное и т. п.; 3) пометы хронологического характера: устаревшее, устаревающее, новое.

В связи с провозглашаемым в данной работе функционально-параметрическим подходом к анализу ФЕ мы не будем совмещать воедино функционально-стилистические и эмоционально-экспрессивные характеристики по той причине, что эмотивность, а вместе с ней и экспрессивность относятся собственно к семантике ФЕ, в то время как функционально-стилистическая маркированность регулируется фактами социального характера: она указывает на уместность/неуместность употребления ФЕ в той или иной сфере коммуникации. При этом стилистический анализ отнюдь не лишается выхода в экспрессивно-эмоциональный план, поскольку использование ФЕ в другой сфере коммуникации, нежели в той, которая для нее изначальна, может привести к экспрессивному эффекту за счет эмотивности, стимулированной сигналом отклонения от нормы. Общеизвестно, что употребление ФЕ с повышенной стилистической окраской в сниженных пластах речи приводит к комическому или шутливому эффекту.

В соответствии с функционально-параметрическим подходом фразеологические единицы в русском литературном языке следует характеризовать на основе нескольких признаков: 1) по социально-функциональному признаку — публицистическое, канцелярское, профессиональное, разговорно-сниженное, разговорно-фамильярное, детское (необходимо при этом учитывать, что основная масса ФЕ русского языка принадлежит к разговорной речи); 2) по хронологическому признаку - устаревшее, устаревающее, новое (неологическое); 3) по жанровому признаку — высокое, вульгарное, народно-поэтическое; 4) по территориальному признаку - областное, диалектное; 5) по признаку нормированности/ненормированности - не рекомендуется, неправильное и т. п.

В настоящем исследовании анализируемые единицы будут рассматриваться с функционально-параметрических позиций, что предполагает учет того, какой именно аспект семантики ФЕ в речи писателя (в данном случае Л. Н. Толстого) подвергается изменению (по сравнению с узусом) и к каким конкретно сдвигам в значении всей единицы в целом это приводит.

В этом состоит принципиальная новизна данной работы, поскольку до сих пор к фразеологии языка Л. Н. Толстого не применялся функционально-параметрический подход.

Выводы по 2 главе

Проблема вариантности, несмотря на достаточно широкое освещение ее в науке, до сих пор является дискуссионной.

Варьирование во фразеологии - явление, которое касается как плана содержания, так и плана выражения. В связи с этим выделяются два подхода к проблеме вариантности:

- а) узкое, при котором допускается лишь варьирование формы;
- б) широкое, при котором под вариантностью понимается формально - содержательное изменение фразеологической единицы.

Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц имеют определенные закономерности, они потенциально заложены в языковой системе языка, поэтому они могут рассматриваться как явление, не выходящее за пределы речевой нормы.

В работе предлагается функционально-параметрическое исследование фразеологического материала, который, по мнению В.Н. Телии, содержит ряд макрокомпонентов значения:

1. Категориально-грамматическая информация, дающая сведения о глубинно-семантическом соответствии фразеологической единицы событиям, явлениям, отношениям, свойствам или предметам, в отличие от поверхностно-синтаксического.
2. Денотативная информация. Она содержит сведения о классе обозначенных в мире событий.
3. Оценочная информация. Она выражает модальное и субъективное по своей природе отношение говорящего к ценности обозначаемого предмета (по шкале "хорошо - плохо").

4. Информация, содержащая мотивирующее основание значения фразеологизма. Мотивировка чаще бывает образно-ассоциативной, иногда звуко-символической или вообще утраченной.
5. Информация, выражающая эмотивное чувство - отношение говорящего к обозначаемому в диапазоне "одобрение - неодобрение".
6. Информация о функционально-стилистической маркированности фразеологизма.

Указанные параметры делают функционально-параметрический подход анализа семантики фразеологических единиц наиболее перспективным. В связи с чем наметился новый взгляд на интерпретацию индивидуально-авторских изменений фразеологизмов.

Глава 3. ВАРЬИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. И. ТОЛСТОГО

3.1. Семантическое варьирование фразеологических единиц

Под семантическим варьированием во фразеологии традиционно понимают либо полисемию³² ФЕ, либо эврисемию (широкозначность), либо оттенки значения вариантов.³³

Не претендуя на выявление границ между данными явлениями, остановимся на некоторых разновидностях толстовского окказионального преобразования семантики ФЕ, не связанных с изменениями плана выражения.

Известно, что большинство ФЕ (особенно это относится к пословицам и поговоркам) обладают высокой степенью обобщенности. Однако следует отметить, что обобщенное значение, реализуясь в каждом непосредственном употреблении, часто становится более конкретным благодаря контексту. При этом контекст, с одной стороны, уточняет и конкретизирует содержание единицы, с другой стороны, может создавать условия для трансформации ее значения. С.О. Карцевский справедливо отмечал: «...Мы постоянно транспонируем, употребляем переносно семантическую ценность знака. Но мы начинаем замечать это только тогда, когда разрыв между «адекватной» (обычной) и случайной ценностью знака достаточно велик, чтобы произвести на нас впечатление».³⁴ Поэтому большинство лингвистов при семантическом анализе фразеологических единиц считают необходимым «дифференцировать их инвариантные значения в системе языка и варианты этих значений в

³² Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979 - С. 104.

³³ Плоткин В.Я., Гросул Л.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. - Кишинев: Штиинца, 1982 - С. 81-86.

³⁴ Карцевский С.О. Об ассиметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX - XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. - М.: Просвещение, 1965 - С. 88.

различных речевых контекстах».³⁵

Среди окказиональных вариантов подобного типа наиболее часто встречается индивидуально-авторская конкретизация значения не всей ФЕ, а отдельных ее компонентов, происходящая под влиянием контекста и достигающаяся в текстах Толстого различными способами.

Одним из приемов является распространение компонентного состава фразеологической единицы словами, уточняющими семантику ФЕ. Этот прием основан «на использовании механизма относительной проницаемости фразеологизма, а именно на возможности реализации в тексте синтаксической валентности одной из лексем в его составе».³⁶ Например, желая подчеркнуть, что работа над статьей "Тулон" идет медленно и непродуктивно, Толстой пишет: "Я все *толку воду в Тулонской ступе*" (Письмо Е.И.Попову). Ср.: *толочь воду в ступе* ('заниматься чем-либо бесполезным, попусту тратить время' - ФСРЯ). Подобным образом может уточняться значение компонента и в составе устойчивой фразы: «*Все мы, и молодые и старые, и в лихорадке и без нее, под богом ходим, как говорит народ...*» (Письмо Е.И. Чертковой). Ср.: *Все под богом ходим* ('со всяким может случиться что-либо неожиданное, от человека не зависящее'— СРПиП). В приведенных контекстах слово и сочетание слов («Тулонской», «мы, и молодые и старые, и в лихорадке и без нее») конкретизируют семантику отдельных компонентов, при этом как бы внедряясь внутрь ФЕ, разрывая ее компонентное единство.

В других случаях компонентное единство ФЕ формально не нарушается, в контексте используется инвариант фразеологизма, но затем из него вычленяется компонент, который и подвергается авторскому толкованию. Например: «...Ужасно *от одного берега отстать, к другому не пристать*. *Берег*, собственно, один - честная добрая жизнь себе на радость и на пользу

³⁵ Мелерович А.М. К проблеме семантического анализа фразеологических единиц в языке и речи // Проблемы русской фразеологии. Республиканский сборник. - Тула: Тул. гос. пед ин-т им. Л. Н. Толстого, 1978 - С. 34.

³⁶ Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учебное пособие по спецкурсу. - Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1995 - С. 139.

людям. Но есть не добрая жизнь, так услащенная, такая общая всем, что если держаться ее, то не заметишь того, что это не добрая жизнь, и мучаешься одной совестью, если она есть; но если *отстать от нее и не пристать к настоящему берегу*, то будешь мучиться и одиночеством, и упреками, что отстал от людей, и совестно. Одним словом, я хочу сказать, что нельзя желать быть немножко добрым, нельзя прыгать в воду, не умея плавать» (Письмо И.Л.Толстому). Сравним также толстовское толкование компонента *правда* из пословицы *Все минется, правда останется* в следующем отрывке из письма Н.В. Орлову: «Я ни одного художника русского взятого в целом не знаю равного вам. Не унывайте, *все минется, правда останется*. А ваши произведения *правда*, и трогательная *правда*» (Письмо Н.В. Орлову от 22.04.1904).

В некоторых случаях Толстой использует пословицу для того, чтобы полностью или частично опровергнуть ее смысл. Например: «Придет нужда, суму наденете, или же прежде попросите ради Христа у того, у кого есть. Совершенно ложное мнение: *дай Бог подать, не дай Бог взять*. Одно не лучше и не хуже другого. Если же сравнивать, что лучше: просить у людей и докучать им, когда истинная нужда, или ни у кого не просить, никому не докучать и еще подавать другим, обеспечив свое состояние нехристианским путем: службой, кабаком, ростовщичеством и вообще делом, которое сам считаешь не добром» (Письмо С.Т.Семенову от 20.03.1890). Иногда инвариантное значение ФЕ опровергается способом от противного: «Если нет свободной деятельности разума, уничтожающей в людях соблазны и тем освобождающей в них божественную сущность их жизни, - любовь, если весь человек есть произведение условий, его окружающих, и причин, ему предшествовавших, то нет ни добра, ни зла, ни нравственного, ни безнравственного, и незачем нам и думать, и говорить, и писать письма и статьи, а *надо жить, как набежит*, как говорит пословица» (Письмо М.О. Меньшикову от 8.09.1895).

Особым средством, раскрывающим смысловое содержание ФЕ, в том числе окказиональные семантические приращения, является у Толстого

семантизация ФЕ в тексте, т. е. «раскрытие актуального смысла ФЕ посредством авторского толкования».³⁷ Причем значение фразеологической единицы, раскрывающееся через авторское толкование, может и не совпадать с тем, которое имеет данная ФЕ в языке. Например, узуальное значение пословицы *Дело середкой крепко* — 'самое главное, существенное в любом деле - середина' (ср. синонимичную пословицу *Середка всему делу корень*). Толстой толкует ту же пословицу иначе: «*Дело середкой крепко. И начать легко и доделывать легко. А вот середка!*» (Письмо Л.Л. и Т.Л. Толстым) — т. е. 'самое трудное, мучительное — середина'. Нередко окказиональная семантизация ФЕ в тексте сопровождается индивидуально-авторскими преобразованиями плана выражения, чаще всего лексическими субституциями: «А в наше время нужнее, чем когда-нибудь, следовать сказанному 1850 лет тому назад Христом совету своим ученикам, чтобы быть *чистым как голуби и мудрым как змии* — чистым нравственно, как вы сами говорите, от корысти (интереса) и от лжи, и мудрым, т. е. говорить только то, что значительно, нужно и разумно» (Письмо К. Грунскому). Ср.: *Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* — 'руководствуйтесь в своих поступках разумом, но не теряйте душевной чистоты, простосердечности.³⁸ Авторское толкование одной части крылатой фразы, как видим, соответствует узуальному, закрепленному в языке значению (оно лишь конкретизируется — «чистым нравственно... от корысти (интереса) и от лжи»), причем замена компонента *просты* на *чисты* не только не меняет значения фрагмента, но, скорее, даже исключает возможность иной интерпретации его ('не теряйте душевной *чистоты*, простосердечности'). Другая часть крылатой фразы имеет у Толстого толкование, отличное от инвариантного, поскольку писатель вкладывает в нее свой смысл — «говорить только то, что значительно, нужно и разумно». Изменение порядка

³⁷ Мелерович А.М. О некоторых закономерностях реализации в тексте семантической структуры фразеологических единиц // Фразеологическая номинация. Особенности семантики фразеологизмов. Межвузовский сборник научных трудов. - Ростов н/Д: РГПИ, 1989 - С. 61.

³⁸ Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. - М.: Худож. лит., 1987 - С. 34.

расположения компонентов ФЕ тоже, по-видимому, не случайно: на первое место поставлена у Толстого та часть высказывания, которую он считает более существенной, важной.

При семантизации ФЕ в тексте может происходить (наряду с окказиональным толкованием значения) актуализация, или буквализация, т. е. выявление прямого значения ФЕ. Обновляя таким способом внутреннюю форму фразеологизма, Толстой достигает желаемого эффекта — образ получается выпуклый, зримый, а следовательно, более запоминающийся, действенный: «Но в таких делах, в наших падениях, совершенно противных нашему сознанию, когда точно *перевертывается* на минуту человек *вверх дном*, и то, что властвует и должно властвовать и должно быть наверху - духовное, разумное - вдруг спускается куда-то вниз, исчезает и подпадает под власть телесного, животного, бессмысленного, которое поднимается вверх и властвует, в таких делах помочь нельзя...» (Письмо И.М. Трегубову). Ср.: *перевертываться вверх дном* — 'коренным образом изменяться, становиться совершенно иным' (ФСРЯ).

Примечательно, что в разных текстах Л.Н. Толстого одна и та же единица может толковаться по-разному. В этой связи показательна, например, интерпретация значения библейского выражения *царство небесное (божие)* у Толстого. Выражение *царство небесное* особенно часто встречается в Евангелии от Матфея. В других Евангелиях и Посланиях оно заменяется вариантом *царство божие* (реже - *царство Христово*) и имеет в текстах-источниках, по данным «Библейской энциклопедии» [1891], следующие узувальные значения:

1) 'приблизившееся время для Господа Иисуса быть признанным явно и торжественно за Сына Божия, посланного на землю от Бог Отца';

2) 'уничтожение политической и религиозной Иудейской системы и замена оных Христианскою Церковью'

3) 'царство славы, имеющее быть в последний день, когда наступит новое небо и новая земля'.

Вне текстов-источников выражение *царство небесное* в современном русском языке употребляется в значении 'рай' (БАС).

В толстовских же текстах это библейское выражение (чаще вариант - *царство божие*) подвергается существенным семантическим преобразованиям, что позволяет выделить у данной единицы как минимум два окказиональных значения, проявляющихся в результате авторского толкования, например, в следующих контекстах: «Ищите *царства божия*, которое внутри вас, и правды его, а остальное приложится вам, т. е. ищите наивысшего доступного вам душевного состояния (это состояние наибольшей любви), и остальное все будет хорошо, и перенесете легко последствия грехов прошлого, и они все реже и реже будут повторяться, и не впадете в уныние» (Письмо И.М. Трегубову). «Дело, которое мы призваны делать в жизни, - двоякое, хотя и достигается одним и тем же действием: внешнее дело состоит в том, чтобы своей жизнью содействовать установлению *царства божия* на земле, т. е. замене вражды, борьбы и разъединения - согласием, взаимной помощью и единением...» (Письмо П.К. Новицкой).

К семантическим изменениям, затрагивающим внутреннюю форму ФЕ (образно-мотивационный компонент значения) следует отнести случаи двойной актуализации ФЕ в текстах Л.Н. Толстого. ФЕ *собак гонять* имеет узвальное значение 'болтаться без дела, бездельничать' (ФСРЯ), однако в следующем контексте из романа «Война и мир» наряду с фразеологическим значением актуализируется прямой план данной ФЕ: «- Ты что, старый греховодник, — обратилась она к графу, целовавшему ее руку, - чай, скучаешь в Москве? *Собак гонять* негде?» («Война и мир»; т. I, ч. I, гл. XV). Граф Ростов был страстным охотником (охота с гончими и борзыми подробно описана в романе), и реплика Марьи Дмитриевны воспринимается как ироничный намек на это его увлечение.

Анализ окказиональных семантических вариантов ФЕ в текстах Л.Н. Толстого обнаруживает, что каждая единица выполняет, как правило, несколько связанных между собой функций, обусловленных как типом самого изменения (какой компонент значения варьирует), так и причиной (причинами) трансформации значения, а также особенностями включения в контекст (например, содержится ли единица в речи персонажа или характеризует слова автора). О синкретизме функций ФЕ в произведениях Л.Н. Толстого пишет, в частности, О.А. Баженова.³⁹ В качестве иллюстрации приведем полифункциональную ФЕ *хлеб-соль* из рассказа «Севастополь в августе 1855 года». Толстой, рассказывая о начале штурма бастиона французами, описывает, как французы приближались, а в блиндаже «солдаты довольно спокойно застегивали шинели и вылезали один за другим; один даже - кажется, Мельников - шутливо сказал:

- Выходи с *хлебом-солью*, ребята!».

В приведенном контексте ФЕ *хлеб-соль* претерпевает окказиональную семантическую трансформацию: обозначает не «пожелание приятного, хорошего аппетита тому, кого застали за едой» (ФСРЯ), а отпор врагу с помощью картечи и т. п. Данный авторский семантический вариант ФЕ выполняет в тексте несколько функций: во-первых, выражает иронию, которая и дает основания для обнаружения у ФЕ противоположного смысла, что лежит в основе данного средства выразительности речи; во-вторых, выступает как средство создания экспрессии и образности (употребление в указанном выше контексте создает возможность возникновения в сознании читателя ассоциативной связи с древним образом битвы как пира; такая метафора в развернутом виде встречается еще в «Слове о полку Игореве»); в-третьих, вложенная автором в уста персонажа реплика, содержащая ФЕ, служит для

³⁹ Баженова О.А. Синкретизм функций фразеологических единиц в повестях и рассказах Л. Н. Толстого 1852-1856 годов // XXIV Международные Толстовские чтения: Материалы пленарных заседаний научной сессии, научно-практической конференции «Содружество поколений», Всероссийского семинара «Изучение наследия Л. Н. Толстого в школе и вузе». - Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1998 - С. 166-168.

характеристики душевного состояния солдат перед сражением: их спокойствия, уверенности в себе, стремления не терять бодрости духа, их любви к шутке. Такая полифункциональность приводит к тому, что данная ФЕ, позволяя очень кратко и точно выразить нужный автору смысл, выполняет, помимо указанных, функцию лаконизации речи. Все это позволяет ей, наряду со множеством других средств, способствовать выражению идеи произведения.

Таким образом, анализ семантических окказиональных вариантов ФЕ в текстах Л.Н. Толстого позволяет считать, что семантическое тождество вариантной ФЕ может быть абсолютно на уровне языка и относительно на речевом уровне.

3.2. Формально-семантическое варьирование фразеологических единиц

Проблеме варьирования фразеологических единиц посвящено в последние годы большое количество исследований, что является свидетельством многочисленных нерешенных вопросов в этой области фразеологии. Материалы к «Частотному жанрово-стилистическому словарю фразеологии Л.Н. Толстого» дают возможность проанализировать некоторые особенности соотношения традиционно-нормативных (узуальных) и индивидуально-авторских (окказиональных) вариантов фразеологических единиц в творчестве писателя, а также в его эпистолярном наследии и дневниковых текстах.

Типология варьирования плана выражения ФЕ разрабатывалась многими исследователями [Телия 1972; Диброва 1979; Бондаренко 1995]. В основе большинства классификаций лежит разграничение плана выражения и плана содержания при сохранении тождества ФЕ, в соответствии с чем выделяются следующие типы варьирования формы: фонетическое, словообразовательное, морфологическое, лексическое, структурное. В ряде работ к особому типу

варьирования относится также количественное изменение компонентного состава ФЕ [Чепасова 1990].

Поскольку специфика частотного словаря позволяет отразить прежде всего варьирование формы ФЕ (плана выражения), которое в свою очередь может быть связано или не связано с изменением семантики (плана содержания), остановимся на анализе этой стороны преобразования фразеологических единиц подробнее.

3.3. Окказиональные изменения фразеологических единиц, связанные с заменой компонента

В текстах Л.Н. Толстого встречается большое количество ФЕ, в которых варьирование формы имеет узуальный характер. Среди примеров такого рода преобразований можно выделить лексическое варьирование, при котором вариантность обусловлена лексической меной компонентов ФЕ. Ср. *во весь дух* (*мах*): «Иногда во время жара, проезжая через рощу, мы отстаем от кареты, нарываем зеленых веток и устраиваем в бричке беседку. Движущаяся беседка *во весь дух* догоняет карету, и Любочка пищит при этом самым пронзительным голосом, чего она никогда не забывает делать, при каждом случае, доставляющем ей большое удовольствие» («Отрочество») - « — Врешь, не уйдешь, - крикнул Назаров, задетый за живое. Он ударил плетью своего крупного рыжего мерина и, привстав на стременах и нагнувшись вперед, пустил его *во весь мах* за Хаджи-Муратом» («Хаджи-Мурат»); *всей душой* (*всем сердцем*): «...может быть, Володя совсем и не чувствовал того же, что я. Он был пылок, откровенен и непостоянен в своих увлечениях. Увлекаясь самыми разнородными предметами, он предавался им *всей душой*» («Отрочество»). - «Я думаю, что разница, которую устанавливает Паскаль между первыми и вторыми, между теми, которые.., найдя бога, *всем сердцем* служат ему, и теми, которые, не найдя его, *всем сердцем* ищут его, не только не так велика, как он

это думал, но и вовсе не существует. Я думаю, что те, которые *всем сердцем* своим и страдая... ищут бога, уже служат ему» («Предисловие к дневнику Амиеля»).

С лексической субституцией не следует смешивать словообразовательное и морфологическое варьирование. Словообразовательное варьирование - это такой вид узуального преобразования формы ФЕ, при котором варьирующие компоненты различаются словообразовательным элементом (суффиксом или префиксом). Например: *на минуту (минутку)*. Ср.: « — Кажется, Лебедев нынче не придет, - сказал Володя, отрываясь *на минуту* от книги Смарагдова, по которой он готовил урок» («Отрочество»). - «- Ну, *на минутку* отвори. Умоляю тебя, - говорил он бессмысленные слова» («Воскресение»; т. 32, с. 63); *давать (отдавать) себе отчет*: « — Ну, прощайте, — сказал Нехлюдов, чувствуя неловкость и стыд, в причине которых он не *давал себе отчета*» («Воскресение»). — «Наконец, настал первый экзамен, дифференциалов и интегралов, а я все был в каком-то тумане и не *отдавал себе ясного отчета* о том, что меня ожидало» («Юность»).

Морфологические варианты, по мнению Е.И. Дибровой, возникают при «нейтрализации грамматического значения парадигматических форм господствующих слов в ФЕ». ⁴⁰ Сравним у Толстого — *на свежую голову (с свежей головой)*: «Чтобы избавиться от этих мыслей, он лег в свежую постель и хотел заснуть с тем, чтобы завтра, *на свежую голову*, решить вопросы, в которых он теперь запутался» («Воскресение»). - «Кое-что приписываю, и это пишу нынче утром, во вторник, *с свежей головой...*» (Письмо Т.Л. Толстой).

Накопленный в частотном словаре массив информации позволяет выявить в дискурсе писателя фразеологические единицы, которые имеют варианты, устаревшие с точки зрения современного русского языка, но еще употреблявшиеся в XIX в., т. е. дает возможность проанализировать

⁴⁰ Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979 - С. 128.

хронологические изменения в подходе к ФЕ. Однако, по мнению А.И. Молоткова, «вопрос об отдельности фразеологизма в историческом плане нельзя ставить, не учитывая реального изменения формы фразеологизма». Например, современной форме ФЕ *не спускать глаз с кого, с чего* соответствует в XVIII в. форма *не спускать с глаз кого, что*, которая, как отмечает А.И. Молотков, «переходит в язык первой половины XIX в., хотя со второй половины XVIII в. отмечается и форма *не спускать глаз с кого, с чего*». ⁴¹ Прекрасной иллюстрацией сказанному могут служить примеры использования этих вариантов в текстах Л.Н. Толстого: «Надо было говорить, чтобы не молчать, а он [Левин] не знал, что говорить, тем более что брат ничего не отвечал, а только смотрел *не спуская глаз* и, очевидно, вникал в значение каждого слова» («Анна Каренина»). - «Дарья Александровна, с трудом борясь с своими облепившими ее ноги юбками, уже не шла, а бежала, *не спуская с глаз* детей» («Анна Каренина»). Подобные преобразования формы ФЕ, при которых происходит «нейтрализация грамматических значений падежа и числа у зависимого имени», Е.И. Диброва относит к синтаксическому варьированию, ⁴² при этом необходимо подчеркнуть, что явление синтаксического варьирования рассматривается в данном случае в диахронном плане. То же можно сказать о ФЕ *плясать под дудку чью*, имеющую устаревший с точки зрения современного состояния языка синтаксический вариант *плясать по дудке чьей*, который еще можно найти у Толстого: «-И отлично,- сказал он [Дмитрий].— Живи по-своему и не *пляши ни по чьей дудке*, это лучше всего» («Юность»). Разница между современной Толстому формой ФЕ и той формой, которую она имела в XVIII в., может отражать как исторически обусловленное изменение фразеологической единицы, так и просто являться показателем ее становления как таковой.

⁴¹ Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. - Л.: Наука, 1977 - С. 232.

⁴² Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979 - С. 123.

Несомненно, фиксирование в частотном словаре узуальных вариантов ФЕ, встречающихся в текстах Толстого, представляет большие возможности для исследователя однако основная ценность словаря состоит не столько в том, что он позволяет проанализировать узуальное варьирование, сколько в том, что он дает возможность выявить случаи индивидуально-авторского (окказионального) использования фразеологических единиц.

Известно, что окказиональные преобразования фразеологических единиц – явление речи, а не языка. При этом необходимо отметить, что если узуальное варьирование в целом – достаточно изученная область фразеологии, то окказиональное варьирование исследовано гораздо меньше, а работ, целиком посвященных этой теме и анализирующих с этой точки зрения дискурс Толстого, вообще нет, по крайней мере, работ, охватывающих различные жанрово-стилистические пласты в наследии писателя. Между тем анализ фразеологического материала, выбранного из текстов Толстого, принадлежащих к различным жанрово-стилистическим группам, показывает правомерность и своевременность такого рода исследований.

Наиболее распространенный и массовый тип индивидуально-авторского преобразования формы ФЕ в текстах Толстого — явление лексической субституции, при которой варьируемые лексические компоненты могут быть синонимами либо принадлежать к одному семантическому полю, между ними могут устанавливаться гиперо-гипонимические, антонимические, метонимические, метафорические и даже паронимические отношения [Бондаренко 1995]. Остановимся на анализе некоторых примеров.

Фразеологические словари современного русского языка, а также толковые словари фиксируют ФЕ *старая дева* как не имеющую узуальных вариантов (ФСРЯ; ФСРЛЯ). Между тем в монографии Е.И. Дибровой отмечается, что эта ФЕ имеет узуальные варианты *старая девушка* и *старая девица*, которые автор

относит к словообразовательным.⁴³ Сравним у Толстого: «Софья Ивановна была *старая девушка* и младшая сестра княгини, но на вид она казалась старше. Она имела тот особенный переполненный характер сложения, который только встречается у невысоких ростом, очень полных *старых дев*, носящих корсеты» («Юность»). - «- Вы никогда не думали о том, чтобы женить вашего блудного сына Анатоля? Говорят, - сказала она,- что *старые девицы ont la manie des mariages*» («Война и мир»). Однако в текстах Толстого, помимо указанных, встречаются еще и лексическое авторское преобразование данной ФЕ, а именно— вариант *пожилая девушка*, в котором лексической субституции подвергается первый компонент. В данном случае мена основана на синонимических отношениях: «...про сестру он говорил очень мало и как будто стыдясь мне говорить о ней; но про рыженькую, которую по-настоящему звали Любовью Сергеевной и которая была *пожилая девушка*, жившая по каким-то семейным отношениям в доме Нехлюдовых, он говорил мне с одушевлением» («Юность»). Субститут *пожилой* по сравнению с исходным компонентом *старый* не так категоричен, поскольку имеет значение 'немолодой, зрелого возраста (с признаками приближающейся старости)', и в результате мены вариант *пожилая девушка* получает эвфемистический оттенок.

Среди окказиональных модификаций подобного типа наблюдается и обратный процесс, указывающий на желание автора усилить отрицательную оценку за счет введения компонента, аксиологически более категоричного. Например, подобную интенсификацию отрицательной оценки получает окказиональный вариант *бабы бредни* по сравнению с узуальным *бабы сказки* при сохранении понятийного тождества ФЕ ('вымысел, выдумки, небылицы' — ФСРЯ): «Пьер доказывал, что придет время, когда не будет больше войны. Старый князь, подтрунивая, но не сердясь, оспаривал его.

⁴³ Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979 - С. 120.

- Кровь из жил выпусти, воды налей, тогда войны не будет. *Бабы бредни, бабы бредни*, - проговорил он...» («Война и мир»).

Таким образом, индивидуально-авторские варианты данного типа при сохранении общего семантического тождества могут различаться коннотативными компонентами в своем значении.

Чаще всего субституты-синонимы не меняют семантики ФЕ, т. к. «объем значения, разнящий синонимы в "изоляции" от фразеологизма, в его составе теряет свою релевантность».⁴⁴ Ср., например, *блестеть глазами на кого* вместо узуального *сверкать глазами на кого* со значением 'взглядывая, выражать чувство гнева, раздражения и т. п.': «- Ступай, ступай, -прибавил он, сердито хмурясь и *блестя глазами* на медлившего в камере Нехлюдова...» («Воскресение»); *Клин клином выгоняют* вместо *Клин клином вышибают (выбивают)*: «Чем заболел, тем и лечись, *клин клином выгоняют*» (Письмо В.В. Арсеньевой от 12.12.1856).

Толстой в письмах неоднократно использует известную пословицу *Семь раз примерь, один раз отрежь*. Наряду с синонимичной меной глагольного компонента (*примерь — прикинь, отмерь*), нередко наблюдается замена компонента-числительного: *семь — десять*. Известно, что в свободном употреблении определенно-количественное числительное обозначает отвлеченное число или количество предметов. «Оно дает точное количественное определение и не может заменяться другим числительным без нарушения количественных характеристик. При образовании фразеологизма числительное утрачивает ядерную сему 'точное количество'. Именно этим объясняется способность ряда фразеологизмов к варьированию компонентов — количественных числительных».⁴⁵ В анализируемой пословице компонент *семь* не обозначает определенное количество. В результате трансформации

⁴⁴ Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979 - С. 153.

⁴⁵ Григорьева Е.А. Варьирование компонента-числительного во фразеологизмах // Проблема тождества фразеологических единиц. - Челябинск: ЧГПИ, 1990 - С. 107.

заменяющий компонент *десять* лишь актуализирует соответствующую сему 'тщательно', и измененная таким образом пословица сохраняет тождественное инварианту значение — 'перед тем как сделать, решить что-либо ответственное, серьезное, тщательно обдумай, все предусмотрй' (СРПиП): «В Россию приехал нарочно и был у меня комиссионер от Гавайского правительства по переселению... *Десять раз отмерь, один отрежь*. Я счел своей обязанностью выписать этого комиссионера и переговорить с ним. Мне Гавайские острова нравятся больше всех других мест переселения» (Письмо Л.А. Сулержицкому от 20.10.1898). Такие преобразования ФЕ во фразеологии относят к субституциям на основе тематического ряда - названия единиц счета и количества [Диброва 1979; Бондаренко 1995].

Подобные мены можно обнаружить и в составе устойчивых фраз. Например, *не знают, что творят* вместо узуального *не ведают, что творят*: «Еще труднее, для меня по крайней мере, представить себе, что происходит в головах и сердцах других - тех людей, которые считают нужным предписывать такие мероприятия и исполнять их, т. е. воистину *не зная, что творят*, — отнимать изо рта хлеб милостыни у голодных, больных, старых и детей" («Голод или не голод?»), но в данном случае замена лексического компонента синонимом (высокого *ведать* нейтральным *знать*) не меняя значения ФЕ, приводит к определенному сдвигу в ее стилистической окраске.

Толстой нередко меняет компонент устаревший, который вследствие этого может быть непонятен читателю, на современный. В результате такой мены значение выражения, оставаясь прежним, становится более доступным для понимания. Ср. использование Толстым индивидуально-авторского варианта *перековать мечи на сошники* вместо узуального *перековать мечи на орала* в следующем контексте: «Поймите то, что смысл вашей жизни может быть только в исполнении воли того, кто послал вас в нее и требует от вас не служения вашим личным целям, а его цели, состоящей в установлении единения и любви между всеми тварями, в установлении царства небесного,

когда *перекуют мечи на сошники* и копыя на серпы и лев будет лежать с ягненком, как выражали это пророки» («Неделание»). Ср. также подобную субституцию первого компонента в крылатом выражении *Нет пророка в отечестве своем* : «Видно, справедливо изречение: "нет пророка в отечестве своем"» («Юность»).

Лексические субституции, как уже отмечалось выше, могут происходить на основе метонимии, т. е. переноса по смежности, причем конкретные виды смежности весьма разнообразны. Среди толстовских индивидуально-авторских преобразований ФЕ на основе метонимии наиболее многочисленную группу составляют фразеологические единицы, в которых варьирующиеся компоненты связаны между собой причинно-следственными отношениями. Например, ФЕ *заколдованный круг* имеет в текстах Л.Н. Толстого окказиональный вариант *ложный круг*, при этом между варьирующимися компонентами *заколдованный* и *ложный* легко можно выявить причинно-следственную зависимость, если сравнить их значения: *заколдованный* — 'подвергшийся действию волшебных чар, колдовства', а следовательно, 'содержащий ложь, обман; намеренно искажающий действительность, вводящий в заблуждение', т. е. *ложный*, при этом семантика ФЕ не меняется. Сравним употребление обоих вариантов в следующем контексте: «Устанавливается *ложный* круг: отсутствие религии делает возможным животную жизнь, основанную на насилии; животная жизнь, основанная на насилии, делает все больше и больше невозможным освобождение от гипноза и усвоение истинной религии. И потому люди не делают того, что естественно, возможно и необходимо в наше время: не разрушают обмана подобия религии и не усваивают и не проповедуют истинной. Возможен ли выход из этого *заколдованного* круга, и в чем он?» («Что такое религия и в чем сущность ее?»).

Метонимические причинно-следственные связи могут возникать и между варьирующимися компонентами устойчивых фраз: «Все потонуло в море веселого общего труда. *Бог дал день, бог дал силы*» («Анна Каренина»), где

субститут *силы* заменяет исходный компонент *пища*. Известная поговорка *Бог даст день, бог даст и пищу* выступает как объект авторского варьирования не единожды. Ср.: «Не скучай ты, голубушка, об Иване и не тревожь себя мыслями. *Дал Бог ребеночка, даст ему и пищу*» (Письмо С.А. Толстой). Эти слова являются ответом на следующую фразу из письма С.А. Толстой: «Иван худ и плохо поправляется, и меня это тревожит» (там же). Речь здесь идет о маленьком сыне Толстых, и необходимость прямого обозначения актанта ситуации приводит к лексической мене компонента ФЕ, основанной на отношении денотации [Бондаренко 1995], что дает возможность «привязать» содержание поговорки к конкретной ситуации. При этом происходит актуализация значения ФЕ, возможность ее буквального прочтения, чему способствует также введение во вторую часть местоимения *ему*.

Субституции на основе денотации в текстах Толстого чаще всего выполняют функцию уточнения и конкретизации содержания выражения: «*Поэтам этим имя легион*» («Что такое искусство?») (ср.: *Имя им легион*); « — *Добродетели* никто не любит; *она всем глаза колет*» («Война и мир») (Ср.: *Правда глаза колет*); «*Эти новые метлы не чище, а дольше метут*» («Воскресение») (Ср.: *Новая метла чисто метет*). Однако, анализируя подобные трансформации, которые можно охарактеризовать как формально-семантические, поскольку они затрагивают как форму, так и значение ФЕ, следует иметь в виду, что «при конкретизации и видоизменении в речи денотативного содержания сохраняется сигнификативное ядро фразеологического значения, обеспечивающее его тождество в различных употреблениях». ⁴⁶

Как уже было сказано выше, окказиональное преобразование формы ФЕ, основанное на различных видах лексической субституции и не нарушающее семантического тождества, очень распространено в текстах Толстого. Приведем

⁴⁶ Мелерович А.М. О некоторых закономерностях реализации в тексте семантической структуры фразеологических единиц // Фразеологическая номинация. Особенности семантики фразеологизмов. Межвузовский сборник научных трудов. - Ростов н/Д: РГПИ, 1989 - С. 57.

еще несколько примеров. *Глаза засветились у кого на что* вместо *глаза (зубы) разгорелись у кого на что* ('кому-либо непреодолимо, страстно захотелось чего-либо' - ФСРЯ): «*Гюза ямщика засветились на вино*» («Война и мир»); *как мухи на сахар* вместо *как мухи на мед* ('о большом количестве людей, стремящихся в ажиотаже куда-либо, к кому-либо' -ФСРЛЯ): «Только ближе подойдя к людям, точно *как мухи* насевшим *на сахар*, прилепившимся к сетке, делившей комнату надвое, Нехлюдов понял, в чем дело» («Воскресение»); *на обухе хлеба молотить* вместо *на обухе рожь молотить* ('прибегать к самым крайним мерам, делать все, чтобы обогатиться' - ФСРЯ): «- Немец *на обухе молотит хлебац...*, — перекладывая янтарь на другую сторону рта, сказал Шиншин и подмигнул графу» («Война и мир»); *прийти с ножом к горлу* вместо *пристать (приступить) с ножом к горлу*: «- Я сказал, что нет. Это, право, странно, граф! И вовсе неприлично *прийти с ножом к горлу* к человеку,- заметил Лухнов, не поднимая глаз» («Два гусара»); *золоченая молодежь* вместо *золотая молодежь*: « -...Вронский - это один из сыновей графа Кирилла Ивановича Вронского и один из самых лучших образцов *золоченой молодежи* петербургской» («Анна Каренина»); *Худой спор лучше доброй ссоры* вместо *Худой мир лучше доброй ссоры*: «- Ну, знаете, лучше оставим это. Знаете: *худой спор лучше доброй ссоры*» («Хаджи-Мурат»).

В некоторых случаях план выражения ФЕ изменяется так сильно, что остается только намек на исходную форму. Значение ФЕ также может претерпевать при этом настолько сильные изменения, что происходит распад структурно-семантического единства ФЕ, нарушается ее тождество. Примером может служить преобразование фразеологической единицы *Сколько веревку ни вить, а концу быть* со значением 'неблаговидные дела, поступки и т. п., сколько бы они ни продолжались, становятся всем известны, им приходит конец': «А ты, Таня, милая, не падай духом. Кроме хорошего ни с кем, ни с тобой, ни слевой, ни с нами быть не может. Может быть новое - смерть, и самое не дурное. Я знаю, что ты этого терпеть не можешь, да ведь это я не для

того, чтобы агасег тебя, говорю, а ведь *такая это веревка, что сколько ее ни перебирай, на конце ее эта шишка — смерть*. Надо не обижаться на это, а, напротив, рассмотреть ее хорошенько и убедиться, что она не только не неприятна, но в ней самый-то главный интерес, самое лучшее спрятано, самый лучший сюрприз. Не надо очень думать о сюрпризе, но и бояться-то его нечего» (Письмо Л. Л. и Т. Л. Толстым).

3.4. Структурные индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц

Под структурным варьированием во фразеологии понимают трансформации ФЕ, связанные с их синтаксическим устройством [Мурзин 1974; Бондаренко 1995], которые обычно заключаются в «морфолого-словообразовательном преобразовании компонентов, добавлении или опущении отдельных структурных элементов, перераспределении синтагматических связей внутри фразы, изменении порядка следования компонентов».⁴⁷

Структурное окказиональное варьирование представлено в текстах Толстого не так широко, и охватывает оно лишь устойчивые фразы.

Отмечаются следующие типы структурных трансформаций УФ.

1. Внутримодельные преобразования УФ (по линии утверждения - отрицания), связанные со значительными контрастными сдвигами в семантике единицы. Такой тип видоизменения Толстой использует, как правило, отталкиваясь от узуального образца, приводя его в тексте и давая затем свой вариант, отличающийся от инварианта переходом утвердительных форм в отрицательные и наоборот: «Я не переставая работаю и спешу, сколько могу и сколько позволяет мне мое слабое нынешний год здоровье. Пословица говорит:

⁴⁷ Бондаренко В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учебное пособие по спецкурсу. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1995 - С. 107-108.

скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается, а я говорю: скоро дело делается, а не скоро сказка сказывается. И это так и должно быть, потому что дела самые большие разрушаются, и от них ничего не остается, а сказки, если они хороши, живут очень долго» (Письмо А.Ф. Марксу от 8.10.1899). В данном примере наблюдается также инверсия частей устойчивой фразы.

Преобразование УФ по линии утверждения — отрицания нередко сопровождается у Толстого лексической субституцией на основе денотации: «Вашу бочку меда мне не испортит ложка Голохвостовых, а их я легче перенесу» (Письмо Н.Н.Страхову от 6.12.1876) - П.Д. и О.А. Голохвостовы пробыли у Толстых с 28.12. по 8.01.1876 (ср.: *Ложка дегтя портит бочку меда*). Подобные мены в текстах Л. Н. Толстого чаще всего выполняют функцию уточнения и конкретизации содержания единицы, кроме того, позволяют сделать высказывание более лаконичным, а также нередко (как в последнем контексте) служат средством выражения авторской иронии и оценки.

2. Межмодельные преобразования УФ, построенных как по модели простого, так и по модели сложного предложения, характеризуются, как правило, сохранением общей семантики единицы:

На уровне простого предложения в текстах Л. Н. Толстого наблюдаются следующие межмодельные трансформации УФ:

а) односоставные устойчивые фразы с глагольным компонентом в форме 2-го лица единственного числа будущего времени с модальным значением невозможности переходят в безличные конструкции: *Шила в мешке не утаишь* / *Нельзя утаить в мешке шила*. Например: «В романе этом автор притворяется, что сочувствует нравственному и хочет обличать безнравственное, но как *нельзя утаить в мешке шила*, так нельзя в художественном произведении скрыть того, что составляет предмет любви автора...» (Письмо Н.Д. Фоминой);

б) перестройка УФ, соотносимых с односоставными обобщенно-личными предложениями, в инфинитивные конструкции. Например, *Клин клином*

выбивают -> *Клин клином выбивать*: «Столько вредных книг написано и распространено, что противодействовать этому вреду можно только книгой же. *Клин выбивать клином*» (Письмо П.В. Веригину от 21.11.1895).

На уровне сложного предложения межмодельные трансформации УФ заключаются в преобразовании одного структурно-семантического типа предложения в другой при сохранении общего понятийного содержания. Например, переход одного типа союзных конструкций в другой тип, сочинения в подчинение, наряду с прочими структурными преобразованиями вообще характерен для пословиц, построенных по модели сложного предложения: *Как ни хорошо в гостях, а дома лучше* (Ср. *В гостях хорошо, а дома лучше*). Например: «До сих пор ничего особенного не работаю. Все копаюсь над старым. Но надеюсь воспользоваться досугом. *Как ни хорошо в гостях, а дома лучше*. И я приеду, как хотел, никак не позже 24-го...» (Письмо С.А. Толстой от 14.06.1910).

3. Межуровневые трансформации УФ в текстах Л.Н. Толстого бывают двух типов:

а) преобразование двусоставных устойчивых фраз в вербальные фраземы: *Нашла коса на камень найти как коса на камень*. Например: «Спокойствие и самоуверенность Вронского здесь, *как коса на камень, наткнулись* на холодную самоуверенность Алексея Александровича» («Анна Каренина», т. 18, с. 113). В данном примере структурному варьированию сопутствует лексическая субституция (*нашла — наткнулась*). *Мокрому дождь не страшен не бояться, как мокрому дождя*: «Я думаю и верю, что от болезней уйти нельзя, и потому *не надо их бояться, как мокрому дождя*» (Письмо С.А. Толстой от 2.12.1904);

б) трансформация двусоставных устойчивых фраз в субстантивные конструкции: *На воре шапка горит горячая на воре шапка*. Например: «И меня всегда радует вид *горящих шапок* как на консерваторах православных, так и на вольнодумных либералах» (Письмо В.В. Стасову). В данном случае структурное варьирование осложняется лексической меной компонентов (*на*

воре — на консерваторах православных, на вольнодумных либералах). Ложка дегтю губит бочку меду -> ложка дегтю, губящая бочку меда: «Суеверия — это те же ложки дегтю, губящие бочки меду, и их нельзя не ненавидеть или, по крайней мере, не смеяться над ними» (Письмо Н.П.Вагнеру от 25.03.1890). В последнем примере наряду со структурным варьированием наблюдается окказиональное грамматическое преобразование (единственное число меняется на множественное).

Семантические изменения при подобных межуровневых трансформациях УФ связаны с преобразованием категориального значения единицы, с утратой внутренних предикативных отношений в результате номинализации.

Наиболее ярко фразеологическое новаторство Толстого при использовании пословиц и поговорок проявляется в тех случаях, когда писатель, беря за основу какую-либо единицу, образует по ее модели собственное, часто афористичное выражение, заменяя все компоненты исходной единицы, что «резко сказывается на семантической характеристике новообразования».⁴⁸ Интересно, что, образуя свой, авторский вариант на основе структурно-семантической модели, Толстой чаще всего сначала приводит стандартный (нормативный) вариант пословицы: «*Праздность есть мать пороков*, это трюизм; но то, что *горячая, спешная деятельность есть всегдашняя спутница недовольства собой и главное людьми*, это не все знают» (Письмо В.Г. Черткову от 7.11.1884). Подобные видоизменения пословиц, стоящие на грани фразообразования, нередко сопровождаются и другими модификациями, например, лексической меной компонента на основе антонимии, а также варьированием по линии утверждения - отрицания, как в следующем отрывке из письма А.А. Толстой:

«Я ему сказал: "Женитесь. Не в обиду вам будь сказано, я опытом убедился, что человек неженатый до конца дней мальчишка. Новый свет

⁴⁸ Бондаренко В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учебное пособие по спецкурсу. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1995 - С. 79.

открывается женатому". Вот он и женился. Теперь я готов бежать за ним и кричать: я не то, совсем не то говорил. Для счастья и для нравственности жизни нужна плоть и кровь. *Ум хорошо, а два лучше*, говорит пословица; а я говорю: *одна душа в кринолине нехорошо, а две души, одна в кринолине, а другая в панталонах, еще хуже*» (Письмо А.А. Толстой от 27.11.1865).

3.5. Количественные изменения компонентного состава фразеологических единиц

Количественное изменение компонентного состава ФЕ происходит в двух направлениях: как в сторону сокращения, так и в сторону расширения, или, по терминологии В.М. Мокиенко, имплицитности и эксплицитности. Если говорить об узуальных модификациях этого типа, то следует отметить, что в текстах Толстого встречаются в основном случаи фразеологической имплицитности. Ср. *предлагать руку <и сердце>*: «...но Корделия говорит, что она пойдет только за того, кого она полюбит. Тогда странник *предлагает ей руку и сердце*, и Корделия признается, что полюбила странника...» («О Шекспире и о драме»). — «Как жалко, что Варенька не хорошенькая и вообще не Сонечка, — мечтал я, оставшись один в комнате, - как бы хорошо было, выйдя из университета, приехать к ним и *предложить ей руку*» («Юность»; т. 2, с. 158); *сильные мира <сего>*: «Половина Москвы и Петербурга были родня и приятели Степана Аркадьича. Он родился среди тех людей, которые были и стали *сильными мира сего*. Одна треть государственных людей, **стариков**, были приятелями **его** отца и знали **его** в рубашечке; другая треть была с ним на "ты", а третья — были хорошие знакомые...» («Анна Каренина»). - «И всегда происходило то, что с огрублением религиозных форм искусство более и более уклонялось от своей первоначальной цели (при которой оно могло считаться важным делом — почти богослужением) и вместо религиозного служения задавалось не религиозными, а мирскими целями удовлетворения требованиям толпы или сильных мира, т.е. целям развлечения и увеселения» («О Шекспире

и о драме»).

Окказиональные количественные изменения компонентного состава ФЕ также могут не приводить к изменению содержания. Например, при усечении компонентного состава единицы опущенная часть обычно домысливается адресатом: *Малые дети — малые заботы, большие дети...* (Ср. *Малые дети — малые заботы, большие дети — большие заботы*); *Повинную голову...* (Ср.: *Повинную голову меч не сечет*). «*Малые дети - малые заботы, большие дети...* Я никогда не думал, чтобы воспитание детей, т.е. доведение их только до того, чтобы они были такие же, как все, давало столько труда и отнимало столько времени» (Письмо П. Д. Голохвастову от 27.09.1876); «*Повинную голову и т.д.* Я очень виноват перед вами, дорогой друг, что не отвечал вовремя» (Письмо А.А. Толстой от 5.06.1872).

Можно выделить следующие разновидности фразеологических окказионализмов Толстого (в основном это устойчивые фразы), подвергшихся сокращению компонентного состава (имплицированию):

1. Эллиптические варианты с интонационной незавершенностью, характерной чертой которых является сокращение конечных элементов и интонационная незавершенность высказывания, предполагающая домысливание опущенной части: *Люби кататься, люби и саночки возить Люби кататься...* Например: «- Вы сходите, сударь, повинитесь еще. Авось Бог даст. Очень мучаются, и смотреть жалости, да и все в доме навынтараты пошло. Детей, сударь, пожалеть, надо. Повинитесь, сударь. Что делать! *Люби кататься...*» («Анна Каренина»). Сокращение части лексического состава без ущерба для понимания смысла становится возможным благодаря «фразеологической антиципации, когда по фрагменту лексического состава предвосхищается значение целого».⁴⁹

2. Вычленение лексического фрагмента из состава УФ, при котором

⁴⁹ Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост, ун-та, 1964 - С. 235.

«вариант, выделяемый из состава фразы, не воплощает в себе целостную семантику всей ФЕ, а передает лишь одно из понятий (смыслов), входящее в пропозитивное содержание УФ или тесно связанное с ним»:⁵⁰ *Лучше синица в руках, чем журавль в небе журавль в небе*. Например: «Дождаться того, чтобы освобождение земли совершилось по способу, предлагаемому социалистами, т. е. быть готовыми променять условия хорошей жизни на самые дурные в ожидании *журавля в небе*, совершенно бессмысленно» («К рабочему народу») В результате такие трансформации устойчивых фраз обычно приводят к определенному изменению семантики, связанному с сужением объема значения. Например, *Ложка дегтя губит бочку меду* ('незначительная, но неприятная мелочь портит все хорошее' — СРПиП) *ложка дегтя* ('незначительная, но неприятная мелочь'): «О теософическом обществе я просил Попова, который у нас, послать вам все, что у меня есть, но вперед говорю, что вы ничего там не найдете. Я так же, как и вы, сначала очень заинтересовался им и думал найти там многое, но скоро разочаровался: *ложка дегтя* там очень большая» (Письмо Д.А. Хилкову от 14.09.1892).

Подобный тип преобразований свойственен не только устойчивым фразам, организованным по модели простого предложения, но и ФЕ со структурой сложного предложения. Например, *Встречают по платью, провожают по уму* ('по внешности, по первому впечатлению судят только вначале; чтобы правильно оценить человека, необходимо узнать, понять его') *встречать по платью* ('судить о человеке по первому впечатлению'): «Еще новость, что Толстые все приехали, и в гостинице Рим (на Тверской) их, благодаря их полушубкам, *встречают по платьям*» (Письмо М.Л. Толстой от 9.02.1889).

⁵⁰ Бондаренко В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учебное пособие по спецкурсу. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1995 - С. 136.

3.6. Особенности варьирования нетранслитерированных фразеологических единиц

Среди фразеологических единиц, крылатых выражений, используемых Толстым, немало иноязычных единиц, включенных в текст в нетранслитерированном виде, т. е. передаваемых графическими средствами языка-источника. Это выражения типа *Credo, quia absurdum* (лат.), *to be, or not to be* (англ.), *Dans le doute abstiens toi* (франц.).

Одни единицы употребляются писателем только в нетранслитерированном виде, другие имеют калькированные русские варианты. Ср.: ФЕ французского происхождения *Dans le doute abstiens toi* и ее русский вариант *В сомнении воздерживайся*. Например: «- Да, что ты велишь делать? - повторил он [Кутузов], и глаза его блестели глубоким, умным выражением. — Я тебе скажу, что делать, — проговорил он, так как князь Андрей все-таки не отвечал. - Я тебе скажу, что делать и что я делаю. *Dans le doute, mon cher*, - он помолчал, — *abstiens toi*, — выговорил он с расстановкой» («Война и мир»). - «Писали вы ночью, но письмо ваше дышит беспокойством и недобротой. *В сомнении воздерживайся*, говорят, а я бы сказал еще: в беспокойном, нелюбовном состоянии воздерживайся, замри, жди, когда придет доброта; а пока не решай» (Письмо Н.Н. Ге (сыну)).

Крылатая фраза Мольера из комедии «Любовь-целительница» *Il n'y a pas de pires sourds, que ceux qui ne veulent pas entendre* (Нет более глухих, чем те, которые не хотят слушать) также встречается в текстах Л.Н. Толстого и на французском, и на русском языке: «Книга очень хорошая, полезная, и мне бы очень хотелось, чтобы она получила самое большое распространение. Но очень боюсь, что по нашему времени желание мое едва ли будет исполнено: // *n'y a pas de pires sourds, que ceux qui ne veulent pas entendre*. А таких глухих в наше время особенно много» (Письмо Ф.А.Страхову от 1.04.1910; т. 81, с. 197) — «Предмет же брошюры, как вы видите, дело огромной важности, о котором было писано довольно много, но который до сих пор остается не разъясненным

для огромного большинства; как говорит французская пословица: *нет более безнадежных глухих, как те, которые не хотят слышать*. И таких глухих по вопросу о половом воздержании все еще очень много» (Письмо П.А. Буланже от 2.04.1902). В последнем контексте русский вариант дополнен прилагательным *безнадежных*, которое усиливает семантику французского выражения, переведенного Толстым на русский язык.

Подобные выражения нередко подвергаются окказиональным преобразованиям.

Иногда Толстой, используя иноязычную пословицу на русском языке, приводит не перевод ее, а значение. Ср. употребление английской пословицы *Two is company, three is none* (Двое составляют компанию, а трое нет) в двух следующих отрывках из писем: «Ты пишешь, были Ге, Соловьев, Столыпин, Сухотин, Сережа, Касаткин, — все милые люди, но слишком много вдруг не ассимилируются. В этом неудобство города. *Two is company, three is none*» (Письмо С.А. Толстой от 3.02.1893) - «Пожалуйста, если будет возможно писать мне, пишите всю душевную правду, если хотите, мне одному. Как английская пословица говорит: что *настоящее общение только вдвоем*» (Письмо Н.Н. Гусеву от 18.03.1910).

Особый интерес вызывает использование Толстым в одном и том же контексте сначала выражения в нетранслитерированном виде, а затем его русского эквивалента - русской пословицы, значение которой, по мнению писателя, соответствует значению иноязычного выражения. Подобным образом Толстой использует в следующем отрывке одну из своих самых любимых французских пословиц *Fais ce que doit, advienne que pourra* (Делай, что должно, и пусть будет, что будет), которая встречается в письмах писателя чаще других нетранслитерированных единиц: «Только отрешиться хорошенько от славы человеческой, установить твердые, всегда чувствуемые отношения с Богом, хозяином моей жизни, хорошенько, вполне отказаться от осуществления каких бы то ни было желаний, хорошенько проникнуться великим словом: *fais ce que*

doit, advienne quepourra или по-русски: «человек ходит, Бог водит», и не будет заботы о том, Закхей я или Будда. Я - Толстой или Наживин - хочу только одного, истинно хочу делать его волю, а что выйдет из моего хотенья, это не мое дело» (Письмо И.Ф. Наживину от 14.11.1906).

Из других приемов использования иноязычных пословиц заслуживает внимания прием конкретизации смысла нетранслитерированного выражения или его части словами русского контекста. При этом уточняющий русский фрагмент может разрывать выражение, актуализируя значение соответствующего компонента. Например: "*Ars longa, a vita*, особенно в 74 года, очень *brevis*" (Письмо Р. Левенфельду от 15.28.1902). Ср.: *Ars longa, vita brevis* (лат.), что означает 'искусство обширно — жизнь коротка'.

Иногда иноязычное выражение приобретает у Толстого противоположное значение, благодаря изменению его по линии утверждения - отрицания. Так происходит с французской пословицей, неоднократно употребляемой Толстым, *Ce que est retarde n'est pas perdu* (Что отложено, не потеряно). Толстой делает вторую часть утвердительной и усиливает утверждение словом *probablement* (наверняка), получая в результате выражение *Ce que est retarde est probablement perdu* (Что отложено, наверняка потеряно): «Одно время я подговаривался, чтобы ехать в Пирогово, но почему-то это не устроилось. А жалко, потому что в наши года *ce que est retarde est probablement perdu* и навсегда» (Письмо С.Н. Толстому от 22.02.1897).

Среди трансформаций нетранслитерированных крылатых выражений, встречающихся в текстах Толстого, на первом месте по частотности стоят преобразования, затрагивающие как форму, так и содержание единицы и связанные лексической субституцией компонентов, основанной на отношении денотации. При этом на место опущенного лексического компонента вводится нужный по замыслу автора речевой денотатор. Например: «- Делаем мы так: мы внушаем каждому народу, что он, этот народ, есть самый лучший из всех на свете, *Deutschland uber alles, Франция, Англия, Россия uber alles*, и что этому

народу (имя рек) надо властвовать над всеми другими народами» («Разрушение ада и восстановление его»). *Deutschland uber alles* (Германия превыше всего) - известные слова немецкой песни, написанной в 1841 году Гофманном Фолерслебеном и проникнутой духом шовинизма и воинственности. Меняя название страны (*Deutschland* на *Франция, Англия, Россия*), Толстой получает возможность выразить важную для него мысль о том, что шовинистическим духом может при определенных условиях проникнуться народ любой страны, в том числе и России. Чаще всего у Толстого подобным модификациям подвергаются французские крылатые выражения, авторство которых принадлежит или приписывается Вольтеру. Например, в крылатой фразе Вольтера *Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux* (Все жанры хороши, кроме скучного) последний компонент *ennuyeux* меняется Толстым на *celui qu'on ne comprend pas* (непонятного) и *qui ne produit pas son effet* (не производящего действий): «Вольтер говорил, что: *tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux*; еще с большим правом можно сказать про искусство, что: *tous les genres sont bons, hors celui qu'on ne comprend pas*; или *qui ne produit pas son effet*, потому что какое же может быть достоинство в предмете, который не делает того, на что он предназначен?» («Что такое искусство?»). Другое выражение, обыкновенно приписываемое Вольтеру, *Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer* (Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать), тоже ставшее крылатым, подвергается у Толстого похожей трансформации, однако в данном случае наряду с лексической меной компонента *Dieu* (Бога) вся первая часть нетранслитерированной единицы заменяется русской калькой: « - *Ежели бы не было Багратиона, il faudrait l'inventer*, — сказал шутник Шиншин, пародируя слова Вольтера» («Война и мир»). Замена иноязычного компонента русским наблюдается и в крылатом выражении *chercher midi a quatorze heures* (искать полдень в два часа пополудни), употребляемом в значении 'заниматься ненужным делом', где французский глагол *chercher* заменяется русским эквивалентом *искать*: «Неужели надо *искать* эти *midi a*

quatorze heures, когда так все ясно и просто...» («О голоде»).

Количественное изменение компонентного состава нетранслитерированных крылатых выражений в текстах Толстого обычно происходит в сторону сокращения. Наиболее частотными здесь являются эллиптические варианты, образующиеся в результате сокращения конечных элементов и обладающие интонационной незавершенностью высказывания. Ср. нетранслитерированное употребление крылатого выражения *Dans le doute abstiens toi* (В сомнении воздерживайся), о котором речь уже шла выше, и его имплицированный вариант *Dans le doute...* Например, в письме детям о своей работе над статьей «Тулон» Толстой пишет: «Я плох: бросил Тулон, который мне не нравится неопределенностью тона - то газетного игривого, то рассудительного-скучного, и не знаю, пошлю ли. *Dans le doute...*» (Письмо Л.Л. и Т.Л. Толстым). Исследователи отмечают, что при подобном усечении выражения отбрасываются, как правило, конечные элементы.⁵¹

Другая разновидность имплицированных вариантов обладает интонационной законченностью, при этом «эллиптированию могут подвергаться не только конечные элементы».⁵² Крылатая фраза *Malbrough s'en va-t-en guerre, Dieu sait quand reviendra* (Мальбрук отправился на войну, Бог весть, когда вернется) из популярной во Франции в XVIII в. сатирической песенки встречается в романе «Война и мир» в речи старого князя Болконского три раза. Первый раз она цитируется полностью, выражая ироническое отношение отца к воодушевлению сына, собирающегося на войну (ср. дефиницию в «Словаре иноязычных выражений и слов»: 'цитируется при иронической характеристике незадачливых вояк или воинственных замыслов, которые ожидает неизбежный конфузный конец'). Усеченный вариант выражения приводится в речи того же персонажа еще два раза. Опускание

⁵¹ Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1964 – С. 130.

⁵² Бондаренко В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учебное пособие по спецкурсу. - Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1995 – С. 130.

первой части крылатого выражения при этом связано, по-видимому, с тем, что автор хочет актуализировать вторую часть выражения, показывая тем самым, что именно в ней содержится основной смысл фразы. Старый князь, вслух иронизируя, в душе боится за сына и поэтому в его присутствии дважды произносит: «...*Dieu sait quand reviendra*» («Война и мир») - Бог весть, когда вернется. Кроме того, три раза употребляясь на протяжении одного эпизода романа, а также неся на себе основной смысл данного эпизода (беспокойство отца о судьбе сына, отправляющегося на войну), данная ФЕ играет текстообразующую роль. Такое использование ФЕ типично для Л.Н. Толстого, и нередко текстообразующие свойства в произведениях писателя обнаруживаются именно у нетранслитерированных ФЕ.

Выводы по 3 главе

1. Случаи индивидуально-авторского варьирования ФЕ в текстах Л.Н. Толстого весьма многочисленны и частотны: им подвергаются как фраземы, так и устойчивые фразы, как русские, так и иноязычные нетранслитерированные ФЕ.

2. Типы окказионального варьирования ФЕ в текстах Л.Н. Толстого разнообразны. Подобные преобразования могут затрагивать только содержательную сторону ФЕ, а могут быть формально-семантическими. Однако в целом толстовские модификации ФЕ представляют собой достаточно типичные для текстов XIX - начала XX в. изменения фразеологизмов, опирающиеся на структурно-семантические модели, свойственные русскому языку.

3. Таким образом, анализируя индивидуально-авторские варианты ФЕ в текстах Л.Н. Толстого, можно прийти к выводу, что хотя типы их весьма разнообразны, но все подобные преобразования выполняют определенные функции, которые сводятся к следующему.

4. Автор, трансформируя ФЕ, получает возможность уточнить, конкретизировать содержание единицы, актуализировать отдельные компоненты значения, усилить воздействие на читателя, добиваясь интенсификации оценки или экспрессии.

5. Употребляя ФЕ в модифицированном виде, писатель по-своему расставляет смысловые акценты, иногда постулируя как жизненный принцип значение, противоположное тому, которое заложено в инварианте.

6. Преобразование ФЕ позволяет Толстому усилить аргументацию и облегчить проведение аналогий, что особенно важно для публицистических произведений и писем.

7. В некоторых случаях окказиональное изменение ФЕ приводит к созданию комического эффекта, к возникновению каламбура, что дает

возможность писателю дать непрямую характеристику персонажу художественного произведения.

8. Нередко использование ФЕ в модифицированном виде способствует лаконизации высказывания, позволяя более сжато и емко выразить нужный смысл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фразеология играет существенную роль в идиостиле Л.Н. Толстого. Избыточность в употреблении фразеологических единиц является яркой чертой творчества писателя. Фразеологическая избыточность проявляется в многократном употреблении одной и той же фразеологической единицы (тавтологический повтор), в употреблении измененной фразеологической единицы.

Фразеологические единицы играют важную роль в стилистической организации Л.Н. Толстого разных жанрово-стилистических типов не только потому, что в произведениях словесного творчества, принадлежащих перу писателя, насыщенного фразеологизмами, но и потому, что весьма существенна семантико-стилистическая нагрузка, которую несут фразеологизмы в его текстах.

В текстах Л.Н. Толстого находит отражение фразеология русского литературного языка второй половины XIX века, причем степень фразеологического разнообразия дискурса писателя весьма высока.

Зафиксированные случаи авторского употребления фразеологических единиц дают обширный материал для анализа варьирования их содержательного и формального плана - излюбленных приемов использования Л.Н. Толстым фразеологических оборотов.

Окказиональное варьирование фразеологических единиц - характерная черта идиостиля писателя. Она охватывает значительное количество фразеологизмов, в том числе и нетранслитерированных.

Типология индивидуально-авторского варьирования фразеологических единиц в творчестве Л.Н. Толстого включают как семантические, так и формально-семантические преобразования фразеологизмов.

Функции окказионального варьирования фразеологических единиц в текстах писателя весьма разнообразны. Преобразования устойчивых оборотов позволяют уточнить, конкретизировать его содержание, актуализировать отдельные компоненты значения, иногда по-своему расставить смысловые акценты, усилить воздействие на читателя, добиваясь интенсификации оценки или экспрессии. Нередко индивидуально-авторские преобразования фразеологической единицы дают Л.Н. Толстому возможность сделать аргументацию более веской, облегчить проведение аналогий, а порой достигнуть комического эффекта, если преобразование фразеологизма привело к возникновению каламбура. Как правило, окказиональные преобразования фразеологических единиц в текстах писателя выполняют несколько взаимосвязанных функций.

Индивидуально - авторскому варьированию в текстах Л.Н. Толстого подвергаются устойчивые словосочетания, как русские, так и иноязычные нетранслитерированные фразеологические единицы.

Таким образом, анализируя индивидуально - авторские варианты фразеологических единиц в творчестве Л.Н. Толстого, можно сделать следующие выводы. Несмотря на то, что типы индивидуальных творческих преобразований разнообразны, не все они выполняют определенные функции:

1. Автор, трансформируя фразеологические единицы, получает возможность уточнить, конкретизировать содержание единицы, актуализировать отдельные компоненты значения, усилить воздействие на читателя.
2. Модифицируя фразеологические единицы, писатель по-своему расставляет смысловые акценты.
3. Преобразование фразеологических единиц позволяет Л.Н. Толстому усилить аргументацию и облегчить проведение аналогий, что особенно важно в публицистических текстах.

4. Использование фразеологизмов в модифицированном виде способствует лаконизации высказывания, позволяя более сжато и емко передать необходимый смысл.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Ташкент: Узбекистон, 1997 – 318с.
2. Алексеев П.М. Частотные словари и приемы их составления // Статистика речи. - Л.: Наука, 1968 - С. 61-63.
3. Алефиренко Н.Ф., Валюх З.О. Теоретические основы фразеологической репрезентации формально-содержательной вариантности фразеологизмов // Проблемы русской и общей фразеологии. Межвузовский сборник научных трудов. - Новгород: Новгородский гос. пед. ин-т, 1990 - С. 23-32.
4. Алтыбаев А.А. Трансформация фразеологизмов как стилистический прием в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ташкент: 1977 - 21 с.
5. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб: 1999.
6. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост, ун-та, 1964 - 315 с.
7. Архангельский В.Л. О лингвистической проблематике Толстовских чтений // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля. Доклады и сообщения IX и XI Толстовских чтений. - Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1971 - С. 5-11.
8. Архангельский В.Л. О задачах изучения фразеологического состава русского языка (Проблематика республиканских фразеологических сборников на 1976-80 гг.) // Проблемы русской фразеологии. Семантика фразеологических единиц. Республиканский сборник. - Тула: Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1975 - С. 128-135.

9. Ахманова О.С., Мельчук И.А., Падучева Е.В., Фрумкина Р.М. О точных методах исследования языка. (О так называемой «математической лингвистике»). - М.: изд-во Московского ун-та, 1961 - 162 с.
10. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Советская энциклопедия, 1966 - 608 с.
11. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. - М.: Худож. лит., 1987 - 528 с.
12. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. - Л.: Наука, 1970 - 263 с.
13. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода — 2-е изд., исправленное. - СПб.: КВОТАМ, 1994 - В 3-х томах.
14. Баженова О.А. Синкретизм функций фразеологических единиц в повестях и рассказах Л.Н. Толстого 1852-1856 годов // XXIV Международные Толстовские чтения: Материалы пленарных заседаний научной сессии, научно-практической конференции «Содружество поколений», Всероссийского семинара «Изучение наследия Л.Н. Толстого в школе и вузе». - Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 1998 - С. 166-168.
15. Бойченко В.В. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Санкт-Петербург, 1993.
16. Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учебное пособие по спецкурсу. - Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1995 - 151 с.
17. Бондаренко В.Т., Колодезнев В. М. Русский язык. Лексикология. Фразеология. - Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 1996 - 135 с.

- 18.Борисова Е.Г., Диброва Е.И., Добровольский Д.О., Телия В.Н., Черданцева Т.З. Фразеографические параметры и их описание в словаре (на материале русской идиоматики) // Фразеологизм и его лексикографическая разработка: Материалы IV Международного симпозиума в рамках заседания Международной комиссии по проблемам славянской фразеологии при Международном комитете славистов. - М.: Наука и техника, 1987 - С. 9-18.
- 19.Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). -М.: Высшая школа, 1972 – 614 с.
- 20.Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, 1981.
- 21.Гвоздарев Ю.А. Вариантность фразеологических единиц в романе «Анна Каренина» (К вопросу о парадигме фраземы) // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля. - Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1971 - С. 230-236.
- 22.Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1977 - 184 с.
- 23.Глухов В.М. Опыт анализа семантики фразеологических единиц в языке художественного произведения (На материале пьесы «Власть тьмы») // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля. - Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1971 - С. 28-35.
- 24.Голованевский А.Л., Атаманова Н.В. Лексика и фразеология в «Поэтическом словаре Ф. И. Тютчева» и нормативных словарях русского языка // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. - Великий Новгород: 2004 - С. 352-355.
- 25.Гончарова Н.В. О словаре предметной поэтической фразеологии О. Мандельштама // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития

- русской и общей лексикографии. - Великий Новгород: 2004 - С. 355-358.
26. Горшков А.И. Русская стилистика. - М.: Астрель, 2001 - 367 с.
27. Григорьева Е.А. Варьирование компонента-числительного во фразеологизмах // Проблема тождества фразеологических единиц. - Челябинск: ЧГПИ, 1990 - С. 105-112.
28. Гужанов С.И. Фразеология как средство речевой характеристики персонажей в повести Л.Н. Толстого «Казачья жизнь» // Язык и стиль Л.Н. Толстого. - Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1992 - С. 60-64.
29. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. - М.: 1954.
30. Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. - Пермь: 1992.
31. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1979 - 192 с.
32. Добровольский Д.О. О возможности моделирования внутренней формы фразеологизма // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка. - М.: 1988 - С. 87-98.
33. Ефремов А.Ф. Языковая индивидуализация в повести Л. Толстого «Казачья жизнь» // Исследования по лексике и фразеологии русского языка и методике их изучения. Ученые записки. Т. 43. - Саратов: Приволжское книгоизд., 1965.
34. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. - М.: Совет, энциклоп., 1966 - 535 с.
35. Жуков А.В. Фразеологическая переходность в русском языке. - Л.: 1984 - 94 с.

36. Жуков А.В. Фразеологическая переходность в языке и в словаре // Проблемы русской и общей фразеологии. – Новгород: 1990 - С. 38-47.
37. Ильенко С.Г. Текстовая реализация и текстообразующая функция синтаксических единиц // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц. Межвузовский сборник научных трудов. - Л.: ЛГПИ, 1988 - С. 7-22.
38. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М: 1981.
39. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М.: Наука, 1987 - 263 с.
40. Карпов А.Н. Стилистический синтаксис Льва Толстого. - Тула: Приокское книжное издательство, 1987 - 76 с.
41. Карцевский С.О. Об ассиметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX - XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. - М.: Просвещение, 1965 - С. 85-90.
42. Ковалев В.А. Основные черты стиля художественной прозы Л. Н. Толстого в повести «Хаджи Мурат» // Очерки по стилистике русского языка. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1959 - С. 45-89.
43. Ковалев В.А. Толстовское чуть-чуть // Русская речь – 1971 - № 2.
44. Ковалева Н.А. Авторское фразообразование и коммуникативная стратегия текста (на материале писем А. П. Чехова): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М.: 1992 - 19 с.
45. Кожина М.Н., Данилевская Н.В. О развитии смысловой структуры в научном тексте посредством развернутых вариативных повторов (к постановке вопроса) // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. – Пермь: 1984.
46. Козырева Л.Ф. Фразеологические единицы в рассказе Л.Н. Толстого «Записки маркёра» и из соответствия в немецком языке // Проблемы

- русской фразеологии. - Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1979 - С. 122-128.
- 47.Копыленко М.М. Устарелые фразеосочетания в романе «Анна Каренина» // Лев Толстой. Проблемы языка и стиля. - Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1971 - С. 216-229.
- 48.Коршкова Е.А. К вопросу о создании авторского словаря поэтической фразеологии В. Ходасевича // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. - Великий Новгород: 2004 - С.374-377.
- 49.Костякова Л.Н. Словарь цветописи Б. Пильняка // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. - Великий Новгород: 2004 - С. 377-380.
- 50.Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: 1988.
- 51.Ломов А.Г. Фразеология в творческой лаборатории А.Н. Островского. - Ташкент: изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1987 - 96 с.
- 52.Лотман Ю.М. Структура художественного текста. - М.: 1970.
- 53.Лукиянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. – Новосибирск: 1986.
- 54.Матвеева В.М. Лексическая экспрессивность в языке. – Свердловск: 1986.
- 55.Машина О.Ю. Оттенок фразеологического значения // Семантика языковых единиц. Ч.II. - М.: Альфа, 1994 - С. 51-56.
- 56.Мелерович А.М. К проблеме семантического анализа фразеологических единиц в языке и речи // Проблемы русской фразеологии. Республиканский сборник. - Тула: Тул. гос. пед ин-т им. Л.Н. Толстого, 1978 - С. 31-40.
- 57.Мелерович А.М. О некоторых закономерностях реализации в тексте семантической структуры фразеологических единиц // Фразеологическая номинация. Особенности семантики

- фразеологизмов. Межвузовский сборник научных трудов. - Ростов н/Д: РГПИ, 1989 - С. 56-64.
- 58.Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. - М.: Русские словари, 1997 - 864 с.
- 59.Мокиенко В.М. Славянская фразеология. - М.: Высшая школа, 1989 - 287 с.
- 60.Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. - Л.: Наука, 1977 - 283 с.
- 61.Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. - Пермь: Изд-во Перм. Унта, 1974 - 168 с.
- 62.Николина Н.А. Филологический анализ текста. - М.: Академия, 2003 - 256 с.
- 63.Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. - М.: Наука, 1983.
- 64.Петрова С.И. Оказиональное фразообразование // Сборник научных трудов. Московский педагогический институт иностранных языков. Вып. 232. – М.: 1984 - С. 136-150.
- 65.Плоткин В.Я., Гросул Л.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. - Кишинев: Штиинца, 1982 - С. 81-86.
- 66.Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя. – СПб: 1997.
- 67.Ренская Т.В. Вариации фразеологических единиц в речи семьи Ростовых// Материалы Толстовских чтений (республиканский сборник). - Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1974 - С. 112-120.
- 68.Ренская Т.В. О варьировании интонации камерной фразеологической единицы «чистое дело марш» (по роману Л.Н. Толстого «Война и мир») // XXI Толстовские чтения: Тезисы докладов Международной

- научной конференции. - Тула: Изд-во Тульский гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 1995 - С. 75-76.
- 69.Ренская Т.В. Эллиптированные фразеологические единицы в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Проблемы русской фразеологии. - Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1977 - С. 109-114.
- 70.Ройзензон Л.И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма // Вопросы фразеологии. - Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1965 - С. 63-70.
- 71.Рысева Е.А. Тропеические механизмы идиомообразования и их связь с языковой картиной мира // Фразеологические словари и компьютерная фразеография. – Орел: 1990.
- 72.Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост, ун-та, 2002 - 240 с.
- 73.Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения XII-XIII. - М.: Наука, 1984.
- 74.Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. - 1995 - № 6.
- 75.Телия В.Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. - Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1972 - С. 30-69.
- 76.Телия В.Н. Семантическая структура фразеологизмов-идиом и принципы их фразеографической разработки // Фразеологизм и его фразеографическая разработка. - Минск: Наука и техника, 1987 - С. 98-101.
- 77.Телия В.Н. Природа и сущность знаковой функции идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей

- различных типов и для Машинного фонда русского языка (Материалы к методической школе-семинару). - М.: 1988 - С. 11-16.
- 78.Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеография в Машинном фонде русского языка. - М.: 1990 - С. 42-43.
- 79.Телия В.Н., Баранов А.Н., Борисова Е.Г., Добровольский Д.О. Компьютерная фразеография и ее концептуальные оппозиции // Фразеография в Машинном фонде русского языка. - М.: 1990.
- 80.Телия В.Н. Внутренняя форма и ее роль в функционировании значения слов и фразеологизмов // Семантика языковых единиц. Материалы 3-ей межвузовской научно-исследовательской конференции. Часть II. Фразеологическая семантика. Словообразовательная семантика. Морфологическая семантика. - М.: МГОПИ, 1993.
- 81.Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа. Языки русской культуры, 1996 - 285 с.
- 82.Фокина М.А. Роль фразеологии в организации идиостиля А.М. Ремизова (на материале повестей «Часы», «Неуемный бубен», «Крестовые сестры», «Пятая язва», «Канавы»): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Орел: 1995 - С. 2.
- 83.Хлебда В. Фразеология в межчеловеческом коммуникативном пространстве // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30 июня - 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х т. Т. I. Под редакцией Е.Е. Юркова, Н.И. Рогожиной. - СПб.: Политехника, 2003 - С. 173-180.

- 84.Цапникова В.М. Фразеология романа Л.Н. Толстого «Война и мир» // Толстовский сборник № 3. - Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1967 - С.209-224.
- 85.Чепасова А.М. Импликация и ее следствия во фразеологии // Проблема тождества фразеологических единиц. Межвузовский сборник научных трудов. - Челябинск: ЧГПИ, 1990 - С. 46-56.
- 86.Черкасова И.Н. Символьный компонент в составе идиом // Макет словарной статьи для автоматизированного толково-идиографического словаря русских фразеологизмов. Образцы словарных статей. - М.: 1991.
- 87.Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991 - 221 с.
- 88.Шатух М.Г. Фразеологизмы, их типы и варианты в драматических произведениях Л.Н. Толстого. // Материалы XII Толстовских чтений (республиканский сборник). - Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н.Толстого, 1974 - С. 94-102.
- 89.Шипицына Г.М. Причины и условия фразеологизации авторских высказываний // Фразеология-2000: Материалы Всероссийской научной конференции «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». - Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000 - С. 233-234.
- 90.Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. - М.: Азбуковник, 2002 - 288 с.

ИНТЕРНЕТ – РЕСУРСЫ

1. filologia.su/frazeologija/
2. kyrgyz.lugovsa.net/phraseology.htm
3. padeji.ru/leksikologiya/frazeologiya-russkogo-yazyka
4. ru.wikipedia.org/wiki/Фразеология

5. studysphere.ru/work.php?id=365
6. teneta.rinet.ru/rus/ve/vereshchagin_kostomarov-primety.htm
7. www.frazeologiya.ru
8. www.frazeologik.narod.ru/
9. www.grammar.ru
10. www.krugosvet.ru/articles/82/1008287/1008287a1.htm
11. www.ksu.ru/f10/publications/kl/boduen/bodart_1.php?id=10&num=200000
12. www.otrezal.ru

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ФСРЯ - Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова.
- М.: Советская энциклопедия, 1967.
- ФСРЛЯ - Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т.
Сост. А.И. Федоров. - М.: Цитадель, 1997.
- СРПиП - Словарь русских пословиц и поговорок. Сост. В.П. Жуков. - М.:
Советская энциклопедия, 1966.
- БАС - Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. - М. - Л.:
изд-во Академии Наук СССР, 1950-1965.